

Константин Скуратов
Прятки по-взрослому

Выживает умнейший

Константин Скуратов

**Прятки по-взрослому.
Выживает умнейший**

«Издательские решения»

2015

Скуратов К. В.

Прятки по-взрослому. Выживает умнейший / К. В. Скуратов — «Издательские решения», 2015

Вернувшись домой из командировки, Андрей Глебов обнаружил в своей квартире труп молодой женщины. Вызывая полицию, он и не подозревал, что ему предстоит стать главным подозреваемым, совершить побег и оказаться в полном одиночестве против силовых структур, бандитов и органов власти небольшого города, в котором, как оказалось, слишком многие желали смерти дочери самого влиятельного чиновника, но предпочли бы, чтобы отвечал за это преступление совершенно посторонний для них человек.

© Скуратов К. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

День, переходящий в вечер	6
Вечер, переходящий в утро	15
Взгляд в недалекое прошлое	26
Нелегкое искусство самооговора	30
Бесполезная полезная информация	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Прятки по-взрослому Выживает умнейший Константин Скуратов

Все в этом мире относительно...

И в самом деле, если вдуматься,

даже черный цвет – это всего

лишь один из оттенков белого...

...а, может быть, и наоборот...

Автор

© Константин Скуратов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

День, переходящий в вечер

Андрей Глебов неторопливо шел домой от троллейбусной остановки, напрямик через кусты небольшого сквера. На ветках кое-где еще болтались одинокие желто-красные листья, забытые до поры октябрьским ветром. Земля под ногами набухла водой и была скользкой как настоящий лед, ждать которого в этих краях осталось совсем недолго.

Настроение у Глебова было значительно лучше мерзкой осенней погоды. Очередная вахта закончилась, на смену ей пришел такой же очередной период отдыха. Напевая про себя бессмертный шлягер, Андрей подошел к подъезду и снял с плеча огромную спортивно-дорожную сумку. Он поставил ее на скамейку, не знавшую покраски много лет, и стал рыться в боковых карманах в поисках ключа.

Строго говоря, в напеваемом шлягере все было правильно, за исключением одной детали. Ключ, который нашелся привычно далеко не сразу, открывал замок квартиры, которая Глебову не принадлежала совершенно. Данного обстоятельства не меняло даже то, что Глебов возвращался под крышу этого дома каждые полтора месяца в течение вот уже почти пяти лет, исправно платил за свет и коммунальные услуги, несколько раз скидывался с соседями на ремонт подъезда и лампочки – короче, жил как настоящий квартиросъемщик.

На самом деле уже много лет квартира числилась за гражданкой Минимурзиной Галиной Анатольевной, приходившейся родной матерью гражданки Глебовой Елены Викторовны, которая, в свою очередь, почти пять лет назад перестала быть женой гражданина Глебова Андрея Ивановича, по взаимному согласию сторон...

В подъезде было как всегда сумрачно, пахло борщом и бродячими кошками. Дверь квартиры оказалась на месте, замок цел и открылся без хлопот. Еще бы! В свой прошлый отъезд Андрей едва не опоздал на самолет из-за внезапно заклинившего замка. Хорошо, по двору проходил знакомый студент, который согласился сбегать в ближайший хозяйственный магазин. Выручил, короче говоря. За сдачу с пятисотки. Андрей вставил замок, проверил его работоспособность, подхватил сумку и помчался ловить такси. Так и увез с собой все пять ключей на одном колечке.

В квартире стоял тяжелый сырой воздух. Белье из стиральной машины забыл вытащить, что ли, подумал Глебов, включил в коридоре свет и начал раздеваться. Фокус с бельем был не нов – пару лет назад Андрей уже его пережил. Белье тогда слежалось в плотный комок и покрылось плесенью. Пришлось выбросить этот пенициллиновый оазис не разбирая, решительно и без сожалений.

– А холод-то вот откуда! – проницательно сказал сам себе Андрей, глядя на открытую кухонную форточку. Еще повезло, что не весна, иначе тут все окрестные воробьи гнезда бы свили. Он закрыл форточку и, стягивая на ходу свитер, побрел в спальню, переодеться в домашнее.

На узкой тещиной кровати образца первых пятилеток лежала молодая женщина. Одета. Ее широко открытые глаза были направлены на потолок, на шее выделялась кривая черная полоса. Руки свободно лежали вдоль тела.

Больше ничего Андрей разглядеть не успел, потому что его замутило. Он бросился в ванную, стучаясь плечами о стенки коридора, словно пьяный.

– Что делать?! – отдышавшись, он уставился на отражение в зеркале и задавал ему один и тот же вопрос в сотый, наверное, раз, – Что делать?!

Выходить из ванной было страшно.

– Как с мобильного в полицию звонить-то? Тоже ноль-два? Со звездочкой или решеткой? Решеткой..., – нервно рассмеялся Глебов и вспомнил, что телефон в куртке, а куртка в коридоре на вешалке. Значит, выходить из такой уютной ванной все равно придется...

Он настороженно выглянул в коридор. Стояла все та же условная многоквартирная тишина, ставшая вдруг зловещей.

Однако девушка, видимо, уже привыкла спокойно лежать на тещиной кровати, поэтому и через десять минут из двигающихся в квартире оставался только Глебов.

Андрей прокрался к вешалке, всунул ноги в кроссовки, а руки в рукава куртки, схватил ключи и выскочил за дверь. Он спустился на улицу, с трудом закурил и устался на свой сотовый телефон, как будто тот сам должен был позвонить куда следует.

– Ни хрена себе я с вахты приехал! – наконец выдал Андрей первую осмысленную фразу, – и во что это я влип?

Телефон не ответил. Глебов прикурил вторую сигарету прямо от первой и набрал две цифры, подумал и нажал кнопку вызова. Телефон загудел и выдал в эфир усталый полицейский голос:

– Отделение полиции. Капитан Стрельцов, слушаю вас.

Андрей никогда раньше не обращался в полицию. Голос был такой усталый, а дело, по которому звонил Глебов, показалось вдруг таким нелепым, что нестерпимо захотелось отключить телефон, купить билет на самолет и смыться в Москву, к Елене Викторовне, которая непременно найдет правильный способ разрешить эту ситуацию. Нет, ей позвоню позже, решил Глебов и срывающимся голосом сказал в телефон:

– Я из командировки домой вернулся. Сегодня. Только что. А дома труп лежит...

– Какой труп? – спокойно переспросил капитан.

– Обыкновенный, – ляпнул Глебов, – на кровати. Женский труп.

– Назовите адрес, – не меняя интонации, сказал дежурный, – и фамилию.

– Чью? – не понял Андрей.

– Для начала вашу. Ничего не трогайте до приезда наших сотрудников. Оперативная группа уже выехала.

Глебов успел выкурить еще две сигареты, как во двор въехал полицейский УАЗ, следом за ним обычный жигуленок с мигалкой на крыше. Андрей встал со скамейки, помахал им рукой, привлекая к себе внимание.

– Вы звонили? – спросил его молодой сухощавый парень в модном пальто, – тело где?

– Дома, – начал объяснять Глебов, – я захожу в спальню...

– Жена? – со скукой в голосе поинтересовался пожилой мужчина с большим чемоданом и фотокамерой.

– Кто? А...! Нет, честное слово, я в первый раз...

– Все когда-нибудь кого-нибудь в первый раз, – отмахнулся пожилой, – а потом «и каждый раз как в первый раз», – замурлыкал он немзыкально и подтолкнул Андрея к дверям, – Давай, веди. Показывай, где, чего, кого и сколько.

– Виталик, – укоризненно сказал молодой, – не дави на человека. И начни с входной двери. С замочка. Вас как – Андрей Иванович? Ключики мне, пожалуйста, дайте.

– Да-да, конечно, – Глебов зашарил по карманам, потом сообразил, что держит ключи в кулаке, протянул его следователю и с трудом разжал занемевшие пальцы.

– Да вы успокойтесь, Андрей Иванович, – усмехнулся следователь, – ну – труп, ну – лежит. Труп-то не ваш ведь, в конце концов!

– И слава Богу, – поддержал молодого пожилой, – не хватало мне под пенсию у трупа показания получать!

Они некоторое время попрепирались у подъездной двери, выясняя, кто должен войти первым.

– По-хорошему, первой должна быть собака с вожатым, – горячился Виталик, – чтобы незатоптанный след взяла.

– Во-первых, – возразил следователь, – тут в день по сто человек проходит, так что незатоптаный след если и существует, то только человека-паука. На потолке. Во-вторых, у нас нет собаки, зато есть ты со своим хитрым чемоданом.

– А у таможенников есть собаки. И у наркоконтроля тоже есть...

– А еще они есть у пограничников, спасателей и космонавтов.

– У космонавтов?! – удивился стоявший рядом водитель УАЗа.

– Ну да. Белка и Стрелка, – пояснил следователь и добавил, – Короче, Виталик впереди, я с гражданином сзади, а ты, Палыч, организуй понятых. Только не тани, как в прошлый раз. Соседей приглашай.

Они поднялись на этаж, эксперт начал колдовать с замочной скважиной.

– Андрей Иванович, тут такое дело, – негромко сказал следователь, – вы твердо уверены, что за дверью труп? Бывают, знаете ли, ошибки – померещилось, или подшутил кто-нибудь...

– А еще некоторые за тело резиновых женщин принимают, – не отрываясь от работы, пробормотал Виталик, – вот смеху-то потом!

– Что ж, я резиновую от настоящей не отличу? – оскорбился Глебов.

– Раз знает отличия, значит, пользовался, – хмыкнул эксперт, и повернулся к следователю, – Следов взлома нет, Владимир Ильич, дверь открывали либо подбором, либо родным ключом.

Народу на лестничной площадке начало прибавляться. Палыч – водитель УАЗа с сержантскими погонами привел двоих старичков с нижнего этажа. Старички ошалело смотрели на Глебова, не зная – узнавать его или нет.

Следователь еще раз вопросительно глянул на Андрея, тот, самую малость поколебавшись, кивнул головой.

– Виталь, ключи держи, – следователь протянул эксперту связку, – Граждане, вы приглашены в качестве понятых. Сейчас мы войдем в квартиру. Ваша задача – ничего руками не трогать, смотреть за нами в четыре глаза и подписывать протоколы, предварительно их внимательно прочитав. Ясно?

Понятые синхронно кивнули, уже почти уверенные, что Глебова они видят впервые в жизни.

Эксперт открыл дверь, следователь заглянул внутрь.

– Кто свет включил? – тихо спросил он Глебова.

– Я, – виноватым шепотом ответил Андрей, – зашел, включил свет, начал раздеваться и...

– Понятно, – промычал следователь, – Ладно, пошли смотреть на тело. Где оно разлагается?

– В спальне, – Андрей ткнул пальцем в приоткрытую дверь, – там, на кровати.

Следователь подошел к указанной двери, заглянул внутрь, постоял несколько секунд без движения, потом повернулся к сопровождающим и грустно сказал:

– Виталик, это всяк. Образцово-показательный глухарь в конце года. Шатварян нас съест и даже косточек не выплюнет. Звони медбратьям – для них работа появилась...

Андрей непонимающе смотрел за действиями эксперта и следователя, отвечал на какие-то вопросы, рассказывал, где и что в квартире находится, не в силах отделаться от мысли, что все это – какой-то нелепый кошмарный сон.

Его и понятых сначала долго держали в коридоре, из которого они наблюдали за работой полицейских через дверной проем, потом они сидели на кухне, где Виталик изучал посуду и мусорное ведро.

В квартиру, словно грузчики с мебелью, вломились с носилками санитары в темно-зеленых халатах поверх китайских пуховиков. Пришедший с ними врач был, очевидно, в ссоре со всей полицией России, на вопросы следователя отвечал язвительно, называя его по имени.

– Точный возраст? В паспорте прочитаешь.

– Нету паспорта, Юра, – скучал следователь, – мне же протокол писать...

– Так и пиши – от пятнадцати до сорока!

– А смерть когда наступила?

– Это я тебе, Володя, после вскрытия в деталях расскажу.

– Ну, примерно! Час, сутки, неделя?

Врач нехотя подошел к покойной, присмотрелся, задумался.

– Форточка была открыта? Тогда от четырех до шести дней, не меньше.

В разговор вступил эксперт:

– Как говорила Алиса, шагая по стране Чудес – чем дальше, тем страньше и страньше.

Врач и следователь с любопытством уставились на него.

– В квартире отпечатков пальцев не обнаружено, – бодро доложил эксперт, – вообще никаких!

– Не понял, – сказал следователь, – Здесь, что – никто никогда не жил, что ли?

– Отпечатки, вообще-то, есть. Гражданина Глебова. На входной двери, двух выключателях и кухонной форточке. Свежайшие. А по остальной квартире, будто тряпочкой со спиртом прошлись. Мусор также отсутствует, а покойница, между прочим, шоколадные конфеты употребляла – вон, щека измазана. И, поверьте старому ловеласу, конфеты эти запивала коньяком или вином, вот только ни бутылки, ни стаканов. И хозяин в серванте двух фужеров не досчитывается, верно, гражданин Глебов?

Все уставились на Глебова.

– И еще один момент, – снова вернул себе внимание эксперт, – Многопотерпевшая мадам (или мадмуазель) в полной экипировке, даже куртка надета. Но одной детали не хватает!

– Это я и без тебя знаю, – поморщился следователь, – сумочки нет, так?

– Скучно с тобой работать, Владимир Ильич – все-то ты знаешь...

– К сожалению, не все. Например, хочу знать – от чего живая девушка в неживую превратилась?

– Асфиксия, – тут же ответил врач, – удушье, то есть.

– Я же сказал не отчего, а от чего! Предмет какой применен? Для ремня слишком узко, для провода – широко...

– Узкий ремень, – снова мгновенно среагировал врач.

Эксперт нагнулся над черным следом на шее покойной и едва ли не носом прошелся по всей его длине. Наконец, он распрямился и торжественно произнес:

– Ставлю бутылку пива против двух ваших с коньяком – я знаю этот предмет. И вы его каждый день на улице видите. Только вы молодые, и смотрите не на красавиц, а лишь на их ноги. А я старый, приходится все разглядывать.

– Ну, и что это за предмет? – спросил следователь, а врач презрительно скривился:

– Поводок собачий, что ли?

– Почти попал, жертва Гиппократов! Но – не поводок.

– Будешь тянуть – не буду твой бред слушать, – пригрозил следователь. Эксперт вздохнул:

– Ладно, объясняю. Смотрите, след от удувки глубокий – от ремня или провода должен быть ровный. А этот петлями, как от цепи. Где в квартире цепь может быть?

– В туалете, – ответил врач, следователь промолчал.

– В туалете унитаз современный, без цепочки. Следовательно, в современной квартире цепочке взяться неоткуда, разве что ее с собой принесли...

– Ну-ну, – поощряюще кивнул следователь, врач промолчал.

– Судя по внешнему виду дамочки, она в гости с первым попавшимся металлистом или рокером в жизни не пошла бы. Следовательно, орудие убийства она принесла сама.

– Виталик, я тебя сейчас сам задушу, – кротко сказал следователь, – какое такое орудие принесла с собой наша Дездемона?

Врач демонстративно отвернулся, прикуривая.

– А то самое, которое вы так безуспешно ищете, – торжественно объявил эксперт, – сумочку. На длинной цепочке. Последний писк моды этого сезона.

– Как рабочая гипотеза, безусловно, принимается, – кивнул следователь, – Хвалю за усердие. Осталось только эту сумочку найти, и сразу получим ответы почти на все вопросы: кто такая, чем удостоена, что за друг такой достался..., – он выжидающе посмотрел на Глебова, но тот этого взгляда не заметил.

– А, может, подруга была, – заметил окрыленный похвалой эксперт. Тут уже не выдержал чужой славы врач:

– Разве что метательница молота, – ядовито заметил он, – по следу же видно, что не слабыми ручонками работали.

– А царапины на шее и лице?

– Проще простого, – пожал плечами врач, – это покойница умирать не хотела, за твою цепочку цеплялась. Тут уж не до сохранности девичьей красоты – жить хотела сильно...

Он еще раз внимательно оглядел убитую, хмыкнул:

– Прямо как живая.... Качественный макияж использовала, такой не всем по карману.

– Ну и ладно, – согласился следователь, – значит, круг общения сужается, быстрее вычислим – кто такая. Виталик, она тебе еще нужна?

Эксперт фыркнул:

– Век бы не видел! Пускай ее Юрка забирает, а я здесь уже все обнюхал.

Стоявший у двери сержант вдруг сделал шаг вперед и наклонился, чтобы поднять с пола какой-то предмет, но тут же замер от резкого окрика следователя и эксперта в один голос:

– Стоять!!

– Палыч, – ласково спросил следователь, – ты что-то уронил?

– Никак нет, – медленно выпрямляясь, ответил сержант.

– Значит, что-то нашел?

– Так точно.

– А какого хрена руки тянешь?! – заорал эксперт, – Сказать мне можно? Понятых пригласить?

– Виноват, – с ненавистью сказал Палыч.

Эксперт встал на колени и сунул голову между стеной и кроватью. Через мгновение в его руках шуршал полиэтиленовый пакет с каким-то крошечным предметом на дне.

– И что это у нас такое? – спросил следователь.

– Выглядит как таблетка, – ответил эксперт, – ма-ахонькая такая... голубенькая...

– Юра, ты у нас по медицине – дай пояснение, – попросил врача следователь.

Врач долго разглядывал предмет сквозь целлофан, пожал плечами:

– Первый раз вижу. Что-нибудь заморское. К примеру, от головы или живота...

– От мозгов, – громко сказал Палыч, угрюмо глядя на Глебова, – мы второй месяц эту пакость на каждых танцах у малолеток отбираем. «Холодок» называется. С ментолом.

– Наркотик?

– Он.

– Уверен?

– Могу, конечно, и ошибиться. Но уж больно похожа.

– Так, – следователь повернулся к Глебову, – Андрей Иванович, поясните – откуда это у вас в квартире появилось? Можете?

– Нет, – растерянно пробормотал Андрей, – Я вообще никаких таблеток с детства не принимаю... народными средствами...

– Водка с хреном, – понимающе кивнул эксперт, – наш человек.

Следователь встал, прошелся по комнате, почесал нос в раздумье.

– Выходит, если это не лекарство хозяина квартиры, мы имеем первое вещественное доказательство, а, Виталья?

– Первое, – кивнул эксперт, – и практически единственное.

– Негусто, – следователь повернулся к сержанту, – Палыч, и как эта штука работает, знаешь?

– Как кувалда по затылку, – мрачно ответил сержант, – сначала все неумно веселятся. Без тормозов. Если дерутся – боли не чувствуют, всем весело – и тем, кто бьет, и тем, кого бьют. Согласны на любые предложения – веревки можно вить. Потом веселье проходит, начинается плач, покаяние, жалость к себе. Если рядом есть открытое окно – могут выйти. А самая хреновая – третья стадия. Им очень хочется спать.

– Что же здесь хренового? – удивился эксперт, – пусть спят... усталые игрушки...

– Так если спать не дать, они зубами в горло могут вцепиться... и вцеплялись уже, кстати.

– А зачем спящих трогать?

– Они ж спать ложатся, где захотят, – пояснил сержант, – в туалете, на мостовой, в лифте, на дискотеке... пачками падают, а нам их забирать.

– Что же я про эту бяку ничего не слыхал? – удивился следователь.

– Это ж не героин. Новинка наркорынка. Ничего, – «успокоил» Палыч, – через полгода от нее у всех головы заболят. Никакие народные средства не помогут.

– А эффект привыкания есть? – спросил врач. Сержант пожал плечами:

– Новая же, зараза. Незученная...

Резкий звук дверного звонка заставил всех вздрогнуть от неожиданности.

– Гостей ждем, Андрей Иванович? – тихо спросил следователь.

– Н-нет, – растерянно протянул Глебов, – у меня гостей вообще...

– Андрей Иванович, – также тихо продолжил следователь, – давайте прогуляемся, дверь откроем... только без эмоций, пожалуйста.

Они вышли в коридор, протиснулись мимо оцепеневших понятых. Следователь буквально вдохнул Андрею в ухо:

– По плечу когда хлопну – шаг влево, лады? А потом вас здесь как будто совсем нет...

– На пол лечь, что ли?

– А хоть на потолок. Так, открываем...

Глебов осторожно потянул на себя дверь. За ней стоял очень серьезный мальчик лет пяти-шести. Он уверенно вошел в квартиру и остановился у колена одного из понятых:

– Деда, – сказал мальчик, – баба сказала, что менты – ментами, а таблетки ты пить должен вовремя.

Понятой посерел.

– Грубовато, конечно, – согласно кивнул эксперт, – но общая идея устами младенца выражена верно. Владимир Ильич – не пора ли нам «пора»? Я тут нового чего-то вряд ли найду... даже с Палычем на пару. Дездемону Юра к себе заберет... Поехали?

– Ну, раз ты считаешь, что здесь больше нечего делать... – следователь тяжело вздохнул, – давай понятых на кухню, пусть ментам бумажки подписывают. Палыч, иди, грей свой тарантас. Юра, спящая красавица – твоя. К завтраму оформишь?

Врач что-то пробурчал, махнул рукой своим богатырям и отошел в сторону.

Все это время Андрей стоял у входной двери, мешая санитарам выносить убитую, потом выпускал понятых, так и не признавших его, за своего соседа. Ушел и снова вернулся сержант – «за спичками». («Что, без спичек зажигание пропадает?» – съязвил эксперт).

– Андрей Иванович, – следователь уже стоял в коридоре, крутя в пальцах незажженную сигарету, – а поедемте с нами, а? Время еще не позднее, а у меня к вам вопросов куча...

– У меня есть выбор? – с трудом улыбнулся Глебов.

– Честно говоря – нет. Но добровольная помощь следствию и все такое – безусловно, приветствуется.

– С собой что брать?

– Пока только документы: паспорт, еще что-нибудь.... В принципе, паспорта достаточно.

– Звонок другу можно сделать?

Следователь поморщился:

– Ну, что вы, в самом деле.... Нам с вами столько бумаги перевести надо. Успеете другу набедничать на злых ментов, честное слово!

– Хорошо бы замок снять для экспертизы, – между ними встал эксперт, – у меня и отвертка подходящая с собой имеется.

– А квартира, пока я у вас ... буду, открытой останется?!

– Соседям не доверяем, а, Андрей Иванович? – улыбнулся следователь, – ладно, Виталик, завтра замок снимешь. Все равно на нем следов нет. Сам сказал.

– Можно, в принципе, вообще не снимать. Осмотр был, все зафиксировано-запротоколировано... это я так предложил – из служебного усердия.

– Ладно, – следователь вышел из квартиры, – Езжай с Палычем. Сначала в отдел, потом к этому сексопатологоанатому – поторопи с результатом, а то он неделю копать будет.... А вы, Андрей Иванович, составьте мне компанию.

Глебов пожал плечами и вышел вслед за полицейскими из квартиры, привычно хлопнув дверью.

В машине ни о чем не разговаривали, да и приехали быстро – райотдел полиции оказался в том же микрорайоне, что и квартира Глебова.

Следователь открыл ключом дверь в кабинет, показал рукой – прошу, мол. Андрей тяжело вздохнул и вошел.

– Ничего не поделаешь, Андрей Иванович, – заметил его состояние следователь, – раз уж попали в такую ситуацию, придется хлебнуть нашего бюрократизма по полной. Или вы торопитесь вернуться домой – на кровати поваляться?

Глебова аж передернуло. Следователь улыбнулся:

– Теперь у вас проблема – где ночевать.... Домой возвращаться неохота, так? Могу помочь – у нас в отделе замечательный, только что отремонтированный обезьянник.... Ну, шучу, конечно! Раздевайтесь, садитесь на этот стул, доставайте сигареты. Нам с вами надо сухим казенным языком изложить на бумаге все, что может быть интересно моему начальству.

– Что излагать-то?! Вернулся домой, а дома – труп!

– Это только так кажется, что вам нечего рассказать. К концу беседы вы, честное слово, удивитесь, сколько тут наговорили. Но начнем, давайте, с ваших паспортных данных. Паспорт не забыли, надеюсь?

Глебов вытащил паспорт из кармана и отдал следователю.

– Глебов Андрей Иванович, – почти по складам прочитал следователь. – Все сходится.

– А вас как зовут? – угрюмо спросил Глебов.

– Я ж у вас в квартире представился. И вам, и понятым.

– Извините, прослушал... Не до того было.

– Понимаю, извиняю. Владимир Ильич. Фамилия – не поверите – Миленин. Вот вы уже и улыбаетесь! Ну что, работаем?

Начало заполнения протокола вышло вялым. Анкетные данные Глебова составить конкуренцию фамилии следователя не смогли. Споткнулись только на прописке. Андрей стыдливо рассказал историю своего появления в Чкалове, следователь поудивлялся немного, записал на листочке московский телефон тещи, мобильный жены, пообещал завтра же прояснить ситуацию.

Дальше все опять пошло скучно, деталями не изобиловало – приехал, зашел, обнаружил...

– А еще у кого-нибудь есть ключи от квартиры?

– Есть, конечно, – ответил Андрей и тут же спохватился, – то есть раньше были у соседей.

– А сейчас?

– А сейчас – нет. Перед самым отъездом на вахту сломался замок. Я его заменил и уехал на полтора месяца.

– А ключи...

– Вот они, на связке. Все пять.

– Интересно девки пляшут..., – удивился Владимир Ильич, – а эксперт, вон, целое сочинение написал про то, что над замком никто насилие не совершал! Придется его и впрямь завтра снимать на экспертизу. Ладно.... Девушка эта вам хоть как-то знакома?

– Чем угодно могу поклясться, что никогда...!

– Тихо, Андрей Иванович, тихо! Запишем без клятв: «С пострадавшей не знаком, ранее ее никогда не видел».... Так пойдет?

– Пойдет...

Следователь еще битый час задавал самые разные вопросы, но на два главных – как девушка оказалась в квартире и кто она вообще такая – от Глебова ответа так и не получил.

– Может, она родственница ваша? – выдвигал он очередную гипотезу, на что Глебов только показывал связку ключей, и все начиналось сначала.

– Ну ладно, – выдохся, наконец, Миленин, – а где замок покупали? В магазине или на рынке?

– Тут вот какое дело, – начал было Глебов, но его прервал телефонный звонок. Следователь взял трубку, поднес к уху, привычно представился и вдруг замолчал на полуслове. Его глаза полезли из орбит, рот перекосялся от явного потрясения.

– Да вы что! – только и смог выдать из себя он, положил трубку мимо аппарата и медленно поднялся из-за стола, – Андрей Иванович, в коридоре подождите, я сейчас вернусь.

Он тщательно запер за Глебовым дверь кабинета, махнул рукой в сторону скамейки у окошка дежурного, и почти бегом направился на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки.

Сигареты Андрей забыл в кабинете, но за последний час они со следователем так накурились, что несвежий воздух дежурки воспринимался, словно морской бриз. Андрей сел на жесткую скамейку. В голове крутилась не до конца оформленная мысль – решение этого проклятого ребуса с ключами. Если замок не взломан, открыть его можно подбором ключа, тут даже Холмсом быть не нужно. Вот только подбор – дело либо долгое, либо случайное. Жулик бы квартиру примитивно обокрал. Парочка для любовных утех вряд ли стала бы заходить в первый попавшийся подъезд и проверять на удачу все замки подряд, пока дверь его квартиры не открылась. Следовательно, девушка оказалась там именно потому, что ее туда кто-то специально привел. Только дверь открыли-то как?

– Кипит мой разум возмущенный, – процитировал Глебов, – кто ж знал, что такое бывает на самом деле – кипение возмущенного разума...

Он встал с сиденья и стал рассеянно прогуливаться по узкому коридорчику, не замечая косых взглядов дежурного по райотделу. В голове снова и снова прокручивались сцены того злополучного отъезда на вахту, особенно начиная с момента, когда Андрей уже с сумкой в руках обнаружил, что замок закрываться ключом отказался наотрез.

– Я удивился, – бормотал про себя Глебов, – потом расстроился. Потом посмотрел на часы и ужаснулся – до самолета оставалось два часа! А, главное, квартиру не оставить никак – дверь-то не закрывается! То есть, даже в магазин за замком не сбегать. Соседи – сплошь пенсионеры, что сходить, что присмотреть за квартирой – без толку. И тут за окном идет этот

самый студент... Саша... или Витя... в очках, типичный ботаник. Из соседнего дома. Я ему чуть не силком деньги в руку сунул – выручай, студент, одна надежда на тебя! Сдачу оставь себе... вот такой замок купи, пожалуйста! Студент... ботаник... замок...

От предчувствия близкой разгадки заломило в висках. Следом пришла мысль, что прошел почти целый день кошмара, а он так и не удосужился позвонить бывшей жене. Кто же еще поможет в такой ситуации, тем более, что несчастье произошло на тещиной территории! Пусть подключает связи, а то промурыжат здесь энное количество времени, да еще на работу сообщат. Как такое понравится начальству – неизвестно. Может, совсем не понравится...

Глебов достал телефон, начал снимать блокировку.

– Здесь звонить нельзя! – раздался раздраженный голос дежурного по райотделу.

– Почему? – удивился Андрей.

Внятно объяснить, почему звонить из райотдела нельзя, дежурный не смог, чем оскорбился еще больше. Из его путаной речи Глебов смутно уловил лишь то, что без следователя ему нельзя ни звонить, ни выходить на улицу, ни бродить туда-сюда по коридору. И вообще, нормальные люди в полиции сидят, тихо и аккуратно, а если некоторые не умеют себя вести, так их и поучить можно...

Чтобы не спровоцировать «учебу», Глебов послушно убрал телефон и сел на скамейку.

Через пару минут входная дверь с грохотом распахнулась, и в коридор влетели два закамуфлированных полицейских.

– Где этот урод? – спросили они дежурного, огляделись и прямым ходом направились к Глебову.

– Ну, что, маньяк! – заорал тот, что пониже, – Это тебе не девок душить беззащитных!

– Настал час расплаты, мразь! – подхватил тот, что повыше, – на, получай!

На ошеломленного Андрея посыпались чудовищной силы удары. Он свалился на пол, но полицейские продолжали бить его ногами, словно играли в футбол. Инстинктивно прикрывая руками лицо, Глебов растерянно лепетал «не надо, ребята», но скоро его сил не осталось даже на этот лепет.

Наконец полицейские выдохлись.

– Живой? – спросил один другого.

– Что ему сделается, маньяки живучи как черти, – авторитетно сказал подошедший дежурный, – дальше-то что?

– В предвариловку оттащим. Таких в камере сильно любят... во всех смыслах! – захохотал отдышавшийся «футболист», – к завтрашнему допросу будет готов все выложить.

Полицейские подхватили теряющего сознание Андрея под руки и почти волоком потащили на выход.

– Мужики, – крикнул вслед дежурный, – тут из маньяка мобильник выпал!

– Забирай как трофей, – ответили ему, – смертникам мобилы без надобности – с того света еще никто не дозванивался!

Весь путь до камеры Глебов ощущал себя, как во сне. Его закинули в какую-то машину между жесткими сиденьями, через некий промежуток времени вытащили за шиворот и кинули на асфальт, еще раз, но уже без вдохновения, попинав каменными ботинками. Потом ему выворачивали карманы, выдергивали шнурки из кроссовок, снова били – уже за непонятливость и плохую реакцию на команды, дважды надевали наручники и снова их снимали...

Когда за спиной с лязгом захлопнулась дверь камеры, Глебов медленно сполз по стене и беззвучно заплакал...

Вечер, переходящий в утро

– А культурные люди, когда в гости приходят, первым делом здороваются, – донесся откуда-то сверху молодой веселый голос, – или на воле сейчас здороваться не модно? Слышь, дядя, это я к тебе обращаюсь!

– Борзой баклан попался, – ответили первому из дальнего угла, – надо бы вразумить...

– Какой базар! Сейчас и начнем. Все равно делать нечего...

Глебов слушал разговор и не верил, что все это относится именно к нему. К нему! И вообще – он попал в тюрьму!

– Чего молчим, дядя, – снова спросили сверху, – типа, глухонемой?

Сильные жесткие пальцы подцепили подбородок и бесцеремонно дернули вверх. Андрей открыл глаза и задохнулся от ужаса, натолкнувшись на безжалостный мутно-голубой взгляд здорового парня в майке с надписью «футбольный клуб ЦСКА».

– Братва, – сказал прямо в лицо Глебову парень, – а я сейчас удивился. Наш дядя плачет!

– Может, это не дядя, а тетя? – засмеялись в дальнем углу.

– А что? Прикол, – согласился парень, – Был дядя. Стал тетей. Так бывает. Некоторым даже нравится – краситься начинают, носик пудрить... Ты из таких? Можем утешить. Не бойсь, нас в хате всего семеро – выдержишь.

Из-за его спины выглянул другой парень, по виду – близнец. Он присел на корточки, оскалился:

– Слышь, Шарап, а вдруг он каратист? Сейчас покрошит нас тут...

– Кто, этот?! Да он кирпич с земли не подымет – обделается от натуги! Ладно, баклан, отдохнул у параша чуток, пора и делом заняться. Пацаны второй месяц без баб маются – ты вовремя.

Близнец зашелся веселым смехом, его поддержали из угла. Глебов почувствовал, что напрочь потерял связь с реальностью...

– Ребятки, – в наступившей тишине прошелестел чей-то шепот, – хватит над человеком измываться. Пока. Ну, плачет – может, у него горе какое-нибудь приключилось..., кошелек потерял, или там ботинки жмут. Вы идите, в картишки перекиньтесь, а я с гостем поболтаю – люблю свежие новости с того света. С воли, в смысле.

Близнецы тут же исчезли, уступив место маленькому сморщенному лысому азиату с глазками-щелочками.

– Поднимайся, мил человек, – продолжил азиат, – что ты, в самом деле, у параша-то расположился? Сейчас мы с тобой разговоры поразговариваем, а тогда уж видно будет – случайно ты тут сел, или это твое место по жизни... Ну, пошли, пошли в мой кабинет.

Глебов зашарил руками по стене в поисках опоры, приподнялся, качнулся, но устоял. Избитое тело властно напомнило о себе, боль несколько прояснила разум. Он пошел следом за азиатом, аккуратно присел на указанный краешек кровати, вздохнул со всхлипом, как мог, собрался.

– Ты на этих ребят обиды не держи, мил человек, – сказал азиат, усаживаясь поудобнее, – давно сидим, развлечений, сам понимаешь, маловато.... Ты сам-то кто будешь?

– Я ничего не понимаю, – с горечью ответил Глебов, – ничего не понимаю.... Почему я здесь?! За что?! Извините, как вас зовут?

– Называй меня дядя Яким.

– А по отчеству?

Азиат всплеснул руками:

– Откуда у бедного старого казаха Якимки отчество! Его даже прокурор не знает, а уж прокурор-то знает все на свете.... Ты зови меня так, без отчества: просто – дядя Яким. Я

привык, не обижаюсь. Вон, эти охламоны даже дедом Якимом называют – для них-то я точно дед... Да что это мы все обо мне, да обо мне! Тебя-то как звать-величать?

– Андрей. Отчество, думаю, тоже ни к чему.

– Раз так думаешь, спорить не буду, – кивнул головой азиат, – Кто по жизни будешь?

– Да так – работаю на московского дядю электромонтажником в одной фирме.

– Значит, и точно баклан, не деловой, – покачал головой дядя Яким, – книжек много прочитал?

– Каких книжек? – оторопел Андрей.

– Художественных, исторических, не знаю, какие еще бывают?

– Ну..., как все, – Андрей пожал плечами, сморщился от боли.

– Как все, – усмехнулся собеседник, – Шарап! – он чуть повысил голос, рядом тут же возникла громадная фигура, – Ты, сколько книжек за свою жизнь прочитал?

– Делать мне больше нечего, – фыркнул парень, – пусть книжки интеллигенты всякие читают.

– А ты говоришь – «как все», – повернулся к Глебову дядя Яким.

Андрей зябко передернул плечами, старик улыбнулся:

– Понимаю, настроение у тебя, мил человек, неважнецкое. Жил ты себе с той стороны забора, про зону только в книжках читал, сериальчики смотрел..., уж не знаю, надолго к нам или нет, а раз попал – води себя любезно. Пословицу про монастырь и устав слышал? Тут она в самый раз оказывается.

– Да я и не ломаюсь, – грустно сказал Андрей, – просто не знаю ничего...

– Это мы тебе быстро объясним, – дядя Яким прищурился и неожиданно стал очень похож на плохо побритого кота аккурат после марта, – а пока можешь сделать доброе дело? Лично мне.

– Что смогу...

– Дело-то для начитанного человека, вроде тебя, плевое. Заспорили мы тут на днях в компании, а кто прав – так и не знаем. Сидим давно, все анекдоты наизусть выучили, в газетах даже про адрес редакции читаем – короче, тоскуем помаленьку. А тут новый человек, грамотный по виду...

В дальнем углу камеры громко фыркнули, но старик невозмутимо продолжил:

– Дело вот в чем: были в старину люди такие – варяги. А еще были викинги...

– Были, – кивнул головой Андрей.

Азиат продолжил:

– Одни говорят, что это разные люди, другие – что одни и те же, просто название разное. Что скажешь?

Глебов пожал плечами:

– Честно говоря, сам толком не знаю. Что-то читал, где-то слышал...

– Вот и расскажи, что знаешь. Нашим недоучкам полезно будет.

Андрей помолчал, собираясь с мыслями. Переход от собственных переживаний к седой старине давался нелегко, но Глебов понимал – идет проверка, ее надо пройти и не завалить.

– По-моему, варяги – это собирательное название народов, живших по берегам Балтийского моря на землях теперешних Германии, Польши, Прибалтики. Были они в большинстве своем славянских корней, говорили на понятных друг другу языках, поэтому и звали их вождей к нам на Русь, как тех же Рюриков. А викинги – это название воинов Дании, Швеции и Норвегии, поклонявшихся своему богу Одину.... По-моему, так.

– Хорошо, – одобрил дядя Яким, – что еще про них знаешь?

– Да все вроде, – растерянно пробормотал Андрей, – и в этом-то не сильно уверен...

– А жили они как? – настаивал на продолжении рассказа старик, – какие порядки были? Чем отличались?

– Да ничем они не отличались. Также плавали по морю, да купцов и деревни грабили, – Андрей осекся, но дядя Яким одобрительно кивнул, и пришлось продолжать, – кого не убивали, забирали в плен – для выкупа. Рабы занимались хозяйством и жили на положении младших родственников, только без права голоса.... Что еще? Если рабыня рожала ребенка, она считалась свободной. Если раб во время нападения на поселок брал оружие и защищал хозяев – становился свободным...

– А еще у викингов были воины какие-то особые, слышал? В зверей превращаться могли.

Из угла камеры вновь саркастически фыркнули:

– Ага! А сверху инопланетяне на летающих тарелках...

– Молодежь! – горестно вздохнул азиат, – ничего не знает, потому что читать разучилась! Ладно, я, и то все тюремные библиотеки изучил, а эти охламоны..., ты продолжай, мил человек, продолжай.

– Были такие воины, – подтвердил Андрей, с невольной симпатией глядя на старика, – Берсерки. Переводится как «медвежья шкура», или «медвежья лапа».... По преданию, перед боем в них вселялся дух медведя, и они становились такими же свирепыми и сильными, как медведь.

– Сказки?

– Как сказать.... Они же перед боем заводили себя криками, раны себе наносили, кровь свою пили..., в транс впадали, короче. А человек в трансе свои качества полнее раскрывает. Вот и Берсерки так дрались, что рядом с ними и своим находиться было опасно.

– Почему? – спросили из притихшего угла.

– Так ведь форму тогда не носили, все в шкурах да кольчугах ходили. Да и некогда было этому берсерку народ на своих и чужих сортировать, – улыбнулся дядя Яким, – так, что ли, Андрей?

– А из нескольких сотен таких берсерков, – продолжал ободренный Глебов, – выделялся один, который никогда не становился вождем, но всегда был лучшим воином, о котором даже песни слагали...

– И чем же таким он выделялся? – спросил незаметно появившийся Шарап.

– Ему не надо было вводить себя в транс – он в любую секунду мог перейти из м-м-м... мирного состояния в боевое.

– А почему такой не мог стать вождем?

– Шарап, все просто! – засмеялись у углу, – у него же башня сорвана – только мордобой, а вождю же и договариваться надо уметь. Так что ты, Шарап, вождем никогда не станешь!

Камера вздрогнула от дружного хохота.

– Хорошие воины были эти викинги? – улыбаясь, спросил дядя Яким.

– А вы представьте: на берегу городок на тысячу человек. В городке есть крепость, забор из кольев, в крепости сидит дружина – профессиональные бойцы, человек пятьдесят, а то и больше. Каждый житель мужского пола старше десяти лет на лету утку из лука бьет, старше двенадцати – на кабана с ватагой ходил, старше пятнадцати – на медведя с рогатиной. На самом высоком месте день и ночь сидит наблюдатель – следит за морем. Корабль за десять километров видно, успевали тревогу поднять, подготовиться. А подплывала ладья викингов к берегу, высаживала десант, и к вечеру горел городок, по улочкам трупы защитников валялись, а викинги все ценное на ладью грузили, и – домой, отдыхать!

По-современному понятно – подошел корабль, вылетела на берег дивизия морской пехоты..., а в то время на одну ладью хорошо, если двадцать пять человек умещалось!

Глебов замолчал, переводя дыхание. Дядя Яким тут же подхватил беседу:

– Слышали, какие в старину порядки были? А люди какие? А вы, черти, ни о чем понятия не имеете, только как людей по головам железками лупцевать! И то, перед делом пива насосетесь, чтоб мозги в транс вошли..., Берсерки, тоже мне!

В углу снова фыркнули, но как-то уважительно.

– И ведь, казалось бы, грамотные ребята, – пожаловался Андрею старик, – день и ночь над учебниками сидят..., чего улыбаешься? Тут из необразованных только я да Шарап. Ну, я – отдельная статья, в лагере родился, там и помру, дай бог. А Шарапа из-за его хронической безграмотности еле грузчиком работать взяли. Зато остальные – все как один студенты нашего университета, выпускной курс. Молодежь, я правду говорю? Компьютерщики, все разговоры о железках, а в истории родной страны – полная немочь.

– А здесь они... как? – удивленно спросил Андрей.

– Они у нас – статья особая! Редкость по теперешним временам. Они у нас – политические, – с плохо скрываемой гордостью сказал дядя Яким.

– Какие?!

– Политические, – по слогам повторил старик, – бойцы за великую Россию. Великоимперские русские националисты. Бедного старого казаха при заселении чуть не затыркали, как узкоглазого...

– Да ладно тебе, дядя Яким, – обиженно протянул Шарап, – проехали ведь, разобрались.

– Да я и не обижаюсь, молодые, горячие..., с мозгами только напярк. Тут надо мной их главный спит. Днем дрыхнет, потом целую ночь спортом занимается, на бессонницу жалуется. Миша, вставай, у нас гости, – старик ткнул кулаком прогнувшийся матрас верхнего яруса, – такой рассказ проспал, лежебока!

Кровать заходила ходуном как от землетрясения.

– Не Миша, а натуральный медведь, – снова улыбнулся кошачьей улыбкой дядя Яким, – вот уж берсерк, так берсерк! Тот самый, один из тысячи. Только с мозгами...

Человек легко прыгнул с верхней койки в проход, Андрей посмотрел на него и остолбенел – перед ним стоял огромный кучерявый негр!

Негр тоже внимательно осмотрел Глебова, заметил его потрясение и остался доволен увиденным.

– Чего вылупился? – без малейшего акцента спросил он, – никогда хороший загар не видел? Учти, дядя, будешь обзывать черным или негром – сопелку по щекам расплескаю. У таких, как я, есть гордое самоназвание – афро-россиянин. Можно сокращенно – афрос. За все другое буду как шаман бить в бубен. Ферштеен?

Ошарашенный Глебов кивнул. Удовлетворенный Миша отвернулся:

– Слава России, братья-славяне! Пацаны, кто справочник зажал? Ну, тот, который адвокат на прошлой неделе принес...

Он вразвалочку направился в дальний угол камеры.

– Видал? – тихо спросил Андрея дядя Яким.

– Русские националисты?!

– Их здесь всего человек десять сидит. Один – сам видел. Трое татары, два украинца. Остальные, наверное, русские, – старик тихо засмеялся.

– А... за что?

– История долгая. Ты не торопишься? – дядя Яким тут же засмеялся, – шучу, шучу! А дело было так...

А дело было так: учились в местном университете местные же ребята. И у всех душа болела за Россию – что с ней гады сделали! У одних болела сильнее, у других чуть-чуть побаливала, третьим просто нравилось трепаться на эту тему.

Однажды сидели ребята в излюбленном кафе и обсуждали только что проигранный российской сборной футбольный матч. Настроение, ясное дело – как Мишина кожа – загорелое. Раз по пивку с горя, другой – тут к столику дяденька подсаживается. Серьезный дяденька, в костюме, с галстуком, на лацкане значок – российский триколор и еще что-то. Ребята,

понятно, напряглись, а дяденька и глазом не моргнул. Давно, говорит, за вами наблюдаю, нравитесь вы, говорит, мне, хочу, говорит, подружиться.

Ребятам дружить с неизвестно кем, ясное дело, неохота, но дяденька не отступает. Мне, говорит, тоже за Державу обидно. И представляю я, говорит, не себя самого, а организацию, которая не только разговоры разговаривает, но и дела делает. И такие как вы, нашей организации очень даже нужны. Ни к чему, говорит, не призываю, давайте в другой раз еще повидаемся, я, говорит, литературки кое-какой подкину, чтоб знали вы, кто враг, а кого трогать пока рано. И ушел. За пиво на всю компанию пятисотку оставил.

Ребята силой и дружбой не обижены. Пятисотку по недолгом размышлении на пиво обменяли, решив, что если будет назад просить – послать, а шантажировать станет – отпинать. Через неделю опять случайная встреча, дяденька о деньгах ни полслова, зато из кейса тоненьких книжечек пачку – каждому. И снова пиво – за его счет. К хорошему привыкаешь быстро. Да и книжечки интересными оказались.

Так в местном университете появилась националистическая организация. Дяденька вождем себя не ставил, против глупых выходок типа малевания агиток на заборах выступал категорически, поощрял занятия спортом, особенно боевыми искусствами, деньги ссужал нечасто, но всегда – в нужную минуту.

Время шло, дяденька появлялся все реже, чаще звонил, каждый раз с нового номера, книжечки передавал с оказией. Ребята рвались в бой, но их остужали резонные слова дяденьки, что дров наломать каждый может, а вот костер из них разжечь – не каждый.

Грели юные сердца другие его слова, что великая и могучая Россия возрастет на обломках советской империи так же, как та поднялась на обломках империи царской. Лишь бы нашлись герои, что всколыхнут народ, поднимут на борьбу с... Тут обычно наступала пауза, потому что враг у России был, ясное дело, но кто именно? Об этом дяденька многозначительно помалкивал, а сами ребята определиться уже не могли.

Долгожданный день настал, как обычно, совершенно неожиданно. Дяденька собрал ребят и веско сказал, что главным врагом для России является, без всякого сомнения, Америка. Но американцев в первую очередь интересует наша экономика, да и вообще они так зажрались в своих Штатах, что скоро сдохнут от ожирения. И от Чкалова Америка далековато, и самих американцев в России негусто – одни послы да туристы.

Зато под боком у России сидит другой враг, который задыхается от перенаселения, и давно уже проглотил бы нашу Сибирь, если бы не патриоты типа дяденьки.

– Китай? – полуутвердительно спросил Глебов. Старик кивнул и продолжил рассказ:

– Ребята поверили сразу. А чего не поверить, когда достаточно сходить на центральный рынок. Лучше всякой агитационной литературы вид бесконечных торговых рядов, набитых под завязку чирикающими узкоглазыми торгашами. Как говорят карточные шулеры – снос определился, игрок развеселился!

Ребята к активным действиям морально были подготовлены лучше любого террориста, теперь перед ними появилась реальная цель. Наконец-то!

На прощание дяденька заверил, что о них скоро узнает вся Россия, в вопросах выбора способов, времени, места действий ограничивать не стал, лишь посоветовал надолго не откладывать. И уехал.

Со способом действий в организации особых разногласий не возникло. Место тоже само напрашивалось – тот самый рынок. Время выбрали за полчаса до закрытия, чтобы случайные русские люди не пострадали. Обошлись без разведки: во-первых, на рынке все раз по сто бывали, во-вторых, именно там трудился грузчиком единственный не-студент организации Шарап.

– А он-то среди них откуда взялся? – спросил Андрей.

– А из спортивной секции.... Короче, набралось активных штыков человек тридцать. Силой с собой никого не тянули, да и конспирацию соблюдали, как в книжечках сказано было. Запасли арматуру, обрезки водопроводных труб и в один нежаркий вечер пришли.

Разделились на группы, заняли позиции и, когда стрелки на заранее сверенных часах указали нужное время, принялись убеждать китайцев, что Россию победить нельзя. А ровно через десять минут растворились в паникующей толпе и без потерь добрались до любимого кафе, где и начали отмечать свое боевое крещение.

А в это время на рынке уже вовсю трудилась доблестная полиция, которую вызвали все те же китайцы, рассудившие справедливо – взятки дано много, пора органам должок отработать!

Вообще-то китайцы – народ невозмутимый, к мелким шалостям относятся философски и из-за такого пустяка, как мордобой, никого беспокоить бы не стали. Но во время акции получилась некая неприятность...

– Перестарались ребята?

– Ты знал, – огорченно сказал дядя Яким, – все это время ты сидел и смеялся над старым глупым казаком...

– Да первый раз слышу! – совершенно искренне воскликнул Андрей, – меня почти два месяца вообще в городе не было, только сегодня прилетел...

– Тогда ты умный, и это меня радует. Верно, ребята перестарались. Причем дважды. Самое смешное в этой истории то, что пострадали не ненавистные китайцы, а совершенно безобидные вьетнамцы, которые если и торговали на рынке, то по большей части своими вьетнамскими подругами.... Так что к приезду оперов два представителя братского Вьетнама, виновные лишь тем, что с рождения носили узкие глаза, уже практически остыли. А что, если получить по голове пару хороших ударов железной трубой, остыть может каждый...

И тут в дело вступили юридические тонкости: если человек умирает от побоев на территории больницы, статья звучит как нанесение тяжких телесных, повлекших за собой..., и так далее. Срок за такое дают неслабый, но все же и не на всю катушку. А если человек перестал жить еще до приезда ментов – это уже умышленное убийство, и приговор звучит куда серьезнее.

И китайцам тоже жмурики не нужны – еще на них же и повесить могут, благо прецеденты бывали. А что касемо опознания злодеев – вообще проблем нет, потому как Шарапа на рынке не знал разве что один директор, а афросу Мише, даже намазавшись мелом, все равно среди россиян не спрятаться! Вот такой единственный прокол в организации и проведении мордобоя...

Взяли ребят по горячим следам прямо в любимом кафе. Не всех, естественно. Кто к моменту задержания домой ушел, кто в кино, кто в библиотеку. Брали азартно, с битьем посуды, а, если учесть степень сопротивления, то мебель в кафе пришлось менять всю.

А дальше началось самое интересное...

Уже на следующее утро в прокуратуру нагрянули столичные журналисты – за что бедных студентов ОМОН зверски избил, а? Какие, на хрен, они националисты, если во главе группировки стоит негр, а? У китайцев претензии к неграм есть? А, может, вьетнамцев убили не из расовой нетерпимости, а как распространителей триппера?

А после обеда опять стук в прокурорскую дверь. Открывают, а там адвокаты. Из столицы. Приехали бесплатно защищать бедных студентов! Каждому задержанному свой, личный! И было их ровно столько, сколько студентов задержали.

– Дяденька слово сдержал, – догадался Глебов.

– Второй раз молодец, соображаешь.... Тут у этой истории пока пауза наступила, но финал рисуется ясно всем, поэтому ребята времени не теряют – к сессии готовятся. Один Шарап скучает...

– А суд?!

– Будет обязательно. Суд присяжных. Еще раз догадаться попробуешь?

Глебов пожал плечами:

– В принципе, все понятно. Ребятки местные, присяжные тоже. А о вьетнамцах уже сейчас никто не заплачет...

– С тобой хорошо говорить – не надо мелочи разжевывать, – дядя Яким прикрыл глаза, поерзал, устраиваясь поудобнее, – смотрю, нервишки твои, вроде, в норму пришли. Это хорошо. Нам с тобой теперь еще кое о чем поболтать надо. О тебе.

Андрей напрягся, что не осталось незамеченным.

– А ты что думал? Тебя за решетку посадили сказки уголовникам рассказывать? – усмехнулся дядя Яким, – ошибка вышла, однако.... Для начала – перевелись в российских тюрьмах настоящие уголовники. Редко можно встретить человека, хотя бы знающего о понятиях, не то что живущего по ним. Вымираем мы как мамонты, в историю уходим.... Сейчас в камерах или шушера беспредельная, или бакланы вроде тебя, или экзотика вроде моих теперешних соседей.

Удивляешься, что слова такие умные знаю? Так я за столько ходок чуть не все тюремные библиотеки перечитал. Очень я новое для себя узнавать люблю. И про викингов этих я раз в сто больше тебя знаю.

– Тогда..., – начал было Андрей, но дядя Яким продолжил:

– Если честно – плевать мне на этих викингов. Я за ними тебя рассмотреть хотел: как быстро очухаешься, как поведешь себя, что плести будешь. И первый вывод мой такой – хоть и шандарахнула тебя жизнь по темечку, удар ты держать умеешь, очухался быстро. Сопли по щекам не размазывал, дверь головой не таранил, короче, фасон кое-какой выдержал. А слезы.... Мужчины тоже иногда плачут, правда, чаще в пьяном виде...

– Дальше что? – угрюмо, но без вызова спросил Андрей.

– Дальше? Говорить будем. Ты же спать ложиться не собираешься? – старик снова улыбнулся своей кошачьей улыбкой, – я очень загадки люблю разгадывать, ребусы всякие, кроссворды там.... А сегодня за полчаса до твоего заселения получил я ребус, да такой, что аж слюнки потекли. Ты, мил человек, представь: ни с того, ни с сего – открывается дверь, а на пороге стоит целый гражданин майор! И просит меня этот гражданин, что для местного люда не просто майор, а царь и бог, чтобы я принял в хату новосела. И не просто принял, а прессанул его по полной программе. Честно говоря, ничего особенного в просьбе этой нет, кроме продолжения. А продолжение такое – по полной программе, но предельно аккуратно! Сечешь?! Каждое слово по отдельности понятно, а вместе они никакого смысла не имеют, потому что аккуратно прессануть – это как?!

Дядя Яким широко развел руки, показывая этим, как он удивился.

– Если б законника какого сажали – с такой просьбой не пришли бы, дело ясное. С другой стороны, сейчас модно олигархов сажать. Так у них отдельные камеры с евроремонтом – чего такому тут делать? Хотя, кто знает.... А, может, беспредельщика ведут? Так чего такого жалеть! Какая уж тут предельная аккуратность, раз беспредельщик!

А лицо у местного гражданина хозяина такое, будто он и сам не понял, что сказал. Я с ребятами потолковал маленько – им здесь скучно, развлечений маловато, ни кино, ни танцев. Они согласились подыграть.

Тут снова дверь открывается, и в хату вталкивают тебя. Очень вежливо вталкивают, должен сказать – ты даже на ногах устоял. Ребята давай прикалываться, а я наблюдаю и вижу, что с нашей жизнью ты незнаком совершенно. Может, шпион? Так для шпионов другие апартаменты имеются, и хозяева там другие, хотя тоже называются на три буквы, – дядя Яким едва слышно хихикнул, – вот это ребус так ребус! Пальчики оближешь!

Глебов скривился.

– Может, ты олигарх? – дядя Яким уже откровенно смеялся, – в своих китайских кроссовках! Нет? А кто? Я ж ночь спать не буду!

– Я сейчас и сам не знаю – кто я, – тяжело вздохнул Глебов, – твердо знаю только, кем я был несколько часов назад, пока все это не началось...

– А ты расскажи! – потребовал старик, – раз это и для тебя ребус, попробуем разгадать вместе.

– С чего начинать?

– Попробуй начать необычно – с самого начала, – предложил дядя Яким.

– А, собственно, что я теряю? – подумал Андрей и начал рассказывать, как вернулся в город после вахты и в запертой квартире обнаружил женский труп.

Голос вибрировал от волнения и обиды, но в целом рассказ получился почти связным и в принципе понятным.

Дядя Яким слушал, закрыв глаза, с видом крепко спящего человека. Только время от времени он качал головой или поднимал к губам кривой палец, и тогда Андрей смущенно спохватывался и возвращался с полукрика на шепот.

– И опер умчался как ошпаренный, говоришь? – старик выждал некоторое время, но Андрей молчал, так как говорить было больше нечего.

– Умчался.

– А потом пришли омовцы?

– Пришли – это не то слово! Чуть не убили!

– Да? – дядя Яким бесцеремонно схватил Андрея за лицо неожиданно крепкими пальцами, повернул из стороны в сторону, – Не дергайся. А ну, покашляй.

Оторопевший Глебов повиновался.

– Рубаху задери. Спиной повернись. Зубы на месте? – старик прошелся сухими кулаками по синякам, оценил реакцию Андрея на боль и сделал вывод:

– Внутренности не отбиты, ребра целые, зубы на месте. Тебя, что – детсадовцы били, или омовцы? Так вот, мил человек, это тебя и не били вовсе. Это тебя уговаривали быть умненьким и благоразумненьким, показывали, что будет, если будет не по-ихнему. Вот мой ребус и разгадался, – он удовлетворенно откинулся на подушку.

– Да? – тупо спросил Андрей.

– Им от тебя завтра понадобится явка с повинной. А так как человек ты с криминалом совершенно незнакомый, они и организовали эдакую массированную психическую атаку: тут и убегающий опер, и изверги-омовцы, и пресс-хата...

– Да зачем им это все?! – с отчаянием выкрикнул Андрей, – я же не убивал!

– Это ты так говоришь, – холодно заметил дядя Яким, – а ключики от хаты – это, мил человек, улика... Ладно, не кипятись. Был у меня знакомец один, давно, правда. Гулял он как-то по парку чудесным летним вечером. Гуляет себе, пиво попивает, к легкомысленным девушкам клеится, короче, наслаждается жизнью. Вдруг видит – у лавочки корчится мужичок, а в груди у того ножик торчит, из стороны в сторону колышется. Выпимши был знакомец-то, то есть дурак – кинулся к мужику на помощь. А какая помощь? Ясное дело – перво-наперво ножик из мужика вытащил. Молодой был, не знал еще, что пока ножик в ране, кровь наружу вытекает, а как только перо на волю – кровь внутрь идет и человечек быстро помирает. Так и случилось – дернул наш дурачок железку, мужик булькнул что-то пару раз и отлетел. Тут моему знакомцу вдруг руки за спину крутят и ведут в отделение, где моментально вешают на него жмурика, поскольку жмурик-то вот он, ножик, которым его порешили, в руке у моего знакомого, отпечатки пальцев наисвежайшие, пятна крови на одежде – что еще надо прокурору для счастья?! Разве что пара-тройка приводов за мелкое хулиганство не помешает, а этого добра у него было намного больше.

В дверь громко стукнули, потом хриплый голос крикнул:

– Отбой! Дядя Яким, я свет тушу, лады?

– Спокойной ночи, Петр Сергеевич, – также громко ответил охраннику старик и продолжил рассказ:

– Даже адвокат не верил в его невиновность. Да что – адвокат! Родная мать не верила! И на зоне никто не верил. Дали ему на всю катушку, без права на амнистию. Вошел он в зону испуганным и огорченным, вышел форменным зверем, забубенным, или как говорят теперь – отморозенным. По мокрухе – большой специалист. А все оттого, что ему никто не поверил. Никто! Кроме меня.

– Кроме вас?

– Я с ним много позже познакомился, когда он свою историю уже почти никому и не рассказывал. А тут не спалось что-то, слово за слово...

– А поверили почему?

Дядя Яким пожевал губами, помолчал с минуту. Когда Глебов уже и не надеялся услышать объяснение, вдруг тихо сказал:

– Времени много прошло. Только историю его не сам он рассказывал, а его обида. И за прошедшее время обида та ничуть не ослабла. Может, и у тебя также, кто знает...

– Ключи – улика, не спорю, – выдохнул Андрей, – но ведь у меня алиби есть. Железное, даже железобетонное!

– Алиби?

– Ну да! Врач сказал, что девушка уже несколько дней лежит. А я только сегодня в город вернулся! Последние полтора месяца из тайги не вылезал, вся бригада свидетели. А сменная бригада! А проверяющие разные! А местная администрация, куда именно я ездил договор на подключение к электричеству заключать! Человек тридцать наберется! Билеты на самолет, наконец! Они же именные!

– Не кричи, – властно сказал дядя Яким и Андрей сразу же словно сдулся, – есть алиби, есть свидетели – очень хорошо. Только завтра после твоего упорства на допросе тебе менты либо почки отобьют, либо мозги и сдохнешь ты на день раньше, чем выйдешь. Есть еще одна закавыка.... Попросил меня с тобой пообщаться лично хозяин, с надеждой на им нужный результат. И если завтра результат им не понравится, придет замусоленный прапор и скажет – слабак ты, дядя Яким. А потом опять приведут тебя.... Ты ведь не веришь, что я тебя с первого взгляда полюбил? И правильно делаешь. По хрену ты мне, мил человек Андрюша, по абсолютному хрену! Зато расположение хозяина потерять из-за какого-то баклана...

– Вы, что же, служите им? – вяло удивился Андрей.

Старик усмехнулся:

– Служат лишь те, кого начальство с руки кормит – военные, чиновники, цирковые собачки. Что тюрьма, что зона – один большой дом, в котором есть те, кто правит и те, кем правят. Снаружи человечки с пушками, внутри люди с мозгами. Есть законы, которые нерушимы, а есть случаи, которыми не грех воспользоваться. Стучать или долг не вернуть – западло, а поблажки себе вымутить – без базара. Им ведь тоже зона спокойная нужна, без беспредела. По пустякам, поверь, не обращаются.... Пойдешь завтра в отказ, начнут студентам передачи зажимать, мне книги носить перестанут. Как думаешь, хорошо тебе у нас будет?

– И что, мне убийство на себя брать?!

– Говорю, не кричи, студенты спать улеглись.... Мозговать тут надо, крепко мозговать. Линия поведения тебе нужна такая, чтобы до суда дотянуть живым и здоровым. Есть кому заступиться, адвокатом помочь? Раз задумался, значит, есть.... А для начала понять надо, почему к тебе так круто отношение переменили.

– Даже не знаю, что думать, – Андрей пожал плечами.

– Следствие штука неспешная, муторная. А следак твой умчался быстрым соколом, – задумался дядя Яким, – и умчался, ни в чем тебя не обвиняя, не закрыв, не сдав дежурному...., что-то в этом звонке было. Ты мог на улицу выйти?

– Думаю, мог.

– А между уходом опера и приходом ОМОНа много времени прошло?

– Я, что, засекал? Минут десять, может, чуть больше.

– То есть за каких-то десять минут тебя в виновные и определили.... Звоночек телефонный и есть ключ ко всему, – уверенно сказал дядя Яким, – что могли оперу сказать такого, что он контроль над собой потерял? Как думаешь?

– Может, у него дома что-нибудь случилось...

– Совсем ты с операми незнаком, мил человек. Если у него что дома случится во время следствия, он туда скорее опергруппу пошлет, а сам допрос продолжит.... Нет, тут весточка с делом твоим связана. А какая весточка свежее только что проведенного шмона, а? Ай, какой хороший ребус!

Андрей скривился в горькой усмешке:

– Да уж, кому ребус, а кому жизнь вперекосы.

– Ты не умничай, а думай, пока думалку не отшибли! Так вот, все шло обычно, тут звонок..., – размышлял дядя Яким, – что ж такого оперу сказали в трубочку? Кажется, есть мыслишка...

– Какая?

– Самая логичная, мил человек, самая логичная – деваху твою установили. И оказалась эта деваха из таких кругов, что найти злодея мусорам надо было немедленно. Чтобы показать себя с самой лучшей стороны.... Папенька у ней начальник, маменька – главврач и депутат, может, еще как-то...

– Я то причем?!

– А ты вон он, никого искать не надо, уже в ментовке. И улики на тебя есть. Теперь чуток придавить осталось, чтобы явку с повинной написал, и все! Можно безутешным папе-маме докладывать, как хорошо полиция работает, понял, баклан? Так что твой оперок еще по лестнице ножками сучил, а твоя судьба уже была решена.

– А дальше что?

– Дальше? Следствие, суд, зона. Все как у нормальных людей. Да ты не переживай, на зоне тоже живут. Тут как? Для одних тюрьма – дом родной, для других родной дом – тюрьма....

– Ага, – выдохнул Андрей, – за такое на зоне, как это... опустят!

– Раньше – непременно, – согласился старик, – а сейчас и на зоне порядки помягче стали. Да и вообще, опускают большей частью тех, кто сам готов опуститься, либо по беспределу.... А у тебя ситуация щекотливая, правильные люди быстро разберутся.

– Как с тем вашим... знакомцем?

– Всякое бывает, не спорю. Только тебе, Андрюша, сейчас не о зоне думать надо, а о том, как исхитриться следаков вокруг пальца обвести.

Андрей горько рассмеялся.

– Разве это возможно?!

– А ты сам подумай, – вкрадчиво предложил старик, – дело-то шьют тебе впопыхах, там черте что будет написано, за уши притянуто. Фактик-то имеется один – ключи от хаты, а все остальное – твоя явка с повинной. Им сейчас в детали вникать некогда – надо перед папенькой отчитываться, вот тут ты в показания бомбы и заложи! Чтобы на суде все дело рухнуло, понял? И проси, чтобы суд был непременно с присяжными – с одной стороны, их ментам запугать легче, с другой – они же все-таки люди, хороший адвокат этим завсегда воспользуется!

– Кошмар какой-то...

– Что делать, никто спасти тебя не придет, значит, надо выворачиваться самому. Только бомбочки закладывая с умом, такие, чты сразу в глаза не бросались, следаки – народ ушлый, туфтобу сразу усекут, и тогда – здравствуй, ОМОН! Резко не соглашайся, помотай им нервишки, чтобы они думали, что победили. Потом проси поблажек, типа одиночной камеры, питания хорошего, связи с родными – они на радостях на многое пойдут, даже на рюмку коньяка. Вот тогда ты нужным людям о своей беде и просемафоришь, понял?

– Понял.... А если все сорвется?

– Прокатишься в немягком вагоне спички из сосен строгать лет на пятнадцать. Не переживай, можно будет жалобы в верховный суд строчить, глядишь, срок и скостят. Короче, ты попал! Сиди до утра и думай, как выпутаться, а глупые мысли, что это ошибка и завтра перед тобой извинятся, отнеси туда же, где и рассказы об инопланетянах. Так и здоровье свое сбережешь, и старого казаха не огорчишь, понял? А сейчас, извини, я спать буду, а ты где-нибудь в уголке поразмышляй... до утра.

Андрей оглянулся, но стульев в камере так и не приметил.

– Экое барство – стулья, – хмыкнул он сам себе под нос, устраиваясь прямо на полу, но подальше от параша, – в наш просвещенный век стулья в камере – холодное оружие.... Ладно, будем думать.

Прошло совсем немного времени, как Глебов с явным неудовольствием понял – думать он не умеет совершенно! Небольшой экскурс в собственную биографию только подтвердил этот неприятный факт. В школе за него думали мама и учителя, в институте – мама и преподаватели, да сокурсники пошустрее. В армии за него думали отцы-командиры и лейтенанты пошустрее. Потом долгие годы за него думала жена. Последние пять лет за Глебова не думал вообще никто, да и сам он этой работой себя не утруждал – зачем, когда и так ясно, что завтра будет так же, как вчера, и послезавтра, и через месяц...

С непривычки заломило в висках. Азиатский старичок, дядя Яким Хоттабыч, был прав почти во всем. И объяснения его звучали пусть нелепо, но убедительно – Андрей попал под танк следствия, уповать на завтрашние извинения – идиотизм в квадрате. Следствию нужен, причем позарез, козел отпущения, а про то, как обвиняемые неожиданно помиряют от инфаркта, мы слышаны, большое спасибо.

Будем реалистами? А куда деваться!

Соседи-националисты спят безмятежным сном – за них борется неизвестная, но очень сильная организация. Плюс, общественное мнение, что своих выдавать нехорошо. А Глебов для чкаловцев – москвич, не свой! В отличие от бедной девушки, кстати.... Вот и еще один минус нарисовался – не сотрешь.

Помощь можно ожидать только от Елены Викторовны Глебовой, причем не только из ее бывших родственных чувств, но и из-за чисто меркантильных интересов – квартира тещина, писать в очередной автобиографии, что бывший муж сидит за убийство – тоже, знаете ли...

Без посторонней помощи связаться с экс-женой Андрей не сможет по совершенно простой причине – ну не помнит он ни один из ее четырех телефонов! В мобильнике то они забиты были, но его теперь лелеет как трофейный дежурный по отделению полиции, небось, все номера постирал и симку выкинул.... Даже свой московский домашний телефон Андрей вспомнить не смог, потому что за столько лет в нем менялись то первые три цифры, то первые четыре, то какие-то еще...

Следовательно, уже на первом этапе борьбы за себя – любимого, необходима посторонняя помощь. Проще простого вызвать сюда тещу как хозяйку квартиры. А Елена примчится следом сама, потому что маму она любит, и уж ее то будет защищать до конца. После ее приезда, главное – встретиться с Еленой Викторовной и упросить организовать защиту. В одиночку одолеть махину следствия у него шансов практически нет.

Значит, завтра придется брать вину на себя. Чтобы выжить...

Взгляд в недалекое прошлое

Родился и вырос Андрей в Москве. Семья была истинно пролетарской – отец работал мастером на ЗИЛе, мать – нормировщицей на каком-то жутко секретном опытном предприятии, тесно связанным с космосом.

Именно мать и проявила настойчивость, когда школа осталась за спиной Андрея, а впереди замаячила армия. Нужными связями в родной столице никто из Глебовых не обладал, зато совсем рядом, в Рязани, жила одинокая сестра матери, то есть Андреева тетка. Именно поэтому на семейном совете было принято парадоксальное для любого москвича решение дать сыну не московское, а рязанское высшее образование.

Из далекого Афганистана на российские кладбища то и дело привозили погибших, по возрасту всего на два-три года отличавшихся от Андрея. Таким образом, высшее образование не только выводило в инженеры, но и элементарно могло спасти Глебову жизнь...

На удивление легко поступив в рязанский радиоинститут, Андрей провел самые лучшие годы своей жизни в студенческих увеселениях, время от времени прерывавшихся государственными траурами сначала по Брежневу, потом по Андропову, Устинову, Черненко и был выпущен во взрослую жизнь под перестроечные рулады Горбачева.

Советская армия, превратившаяся за годы учебы из пугала в нечто отдаленное и нестрашное, тем не менее, накрыла выпускника уже после получения диплома. В офицерском звании лейтенанта, Глебов был призван из запаса и отправился служить на два года в провинциальный город Чкалов, в качестве начальника лаборатории при кафедре связи и управления высшего военного училища ПВО.

Училищная лаборатория существовала в основном на бумаге. Лейтенант Глебов за свои два военных года отходил все мыслимые наряды, съездил во все возможные командировки, натанцевался на всех городских дискотеках. Местные девушки к парню из самой Москвы относились весьма доброжелательно, командиры – тоже.

Перестройка была в самом разгаре, армию не ругали разве что только те, кому до увольнения в запас оставалось менее пяти лет. Ходить по городу в форме было просто опасно – могли побить. Начальство активно строило дачи, замполиты после выступлений Горбачева впадали в депрессию, на личную жизнь молодых офицеров никто внимания не обращал. Тем более, если молодой офицер не кадровый, а «двухгодичник», «пиджак» и служба для него – всего лишь эпизод жизни, причем, далеко не самый важный.

И, тем не менее, именно Чкалов стал для Глебова точкой отсчета настоящей взрослой жизни. А все потому, что после увольнения в запас Андрей вернулся в Москву не один, а с юной супругой Леночкой, в девичестве – Еленой Минимурзиной.

Мать Андрея, ставшая к тому времени вдовой, понятное дело, только ахнула. Будущая невестка рисовалась ей непременно выпускницей престижного столичного института, дочкой министра (только не артиста!), а тут – вчерашняя школьница из неведомого захолустья, без связей и знакомств...

Через полгода свекровь резко изменила свое мнение о невестке. Вчерашняя школьница оказалась обладательницей железного характера. Своего любимого мужа держала в холе, чистоте и ежовых рукавицах. Без какой-либо протекции она сама поступила в институт, правда, не в престижный МГИМО, а в финансово-экономический... А когда на свет появился крепенький и жизнерадостный Никитка, свекровь сама уступила невестке все бразды правления семьей.

Глебов без труда устроился работать мастером в организацию, устанавливавшую по всей стране радиорелейные и ретрансляционные вышки. Приходилось постоянно ездить в командировки, зато и деньги платились приличные.

Августовский путч девяносто первого Андрей встретил в Москве. Как и многие, он прогулялся до Белого дома, даже помог двум крепко выпившим защитникам дотащить до баррикады невесту где взятую садовую скамейку. Ближе к ночи он случайно пожал руку вице-президенту России Руцкому, о чем потом часто рассказывал знакомым вплоть до октября девяносто третьего...

Утром Глебов улетел в очередную командировку и уже там узнал, что в стране все-таки победила демократия.

А потом Советский Союз развалился. Радиовышки, построенные в бывших союзных республиках, стали суверенными и самостоятельными, а значит и платить за их строительство и ремонт никто уже не собирался. Командировки по России тоже стали редкими, поскольку новые вышки были никому не нужны, а старые ремонтировать было просто не на что.

Лена с отличием окончила институт (а кто сомневался!) и устроилась работать в один из новорожденных коммерческих банков, гипнотизировавших простых россиян предельными процентами дохода на каждый вложенный рубль.

Так как зарплату Глебову выдавали все реже, а цены росли все быстрее, скоро в руках Елены Глебовой оказались не только бразды правления семьей, но и средства к существованию. Когда же промежутки между авансом и получкой главы семьи и кормильца достигли пяти месяцев, в гости к Глебовым внезапно зашел старый знакомый – коллега Андрея по установке вышек. Глебов не видел коллегу года полтора – с того времени, как тот внезапно уволился из их, еще не собиравшейся тогда помирить, организации и пропал в море нарождающегося бизнеса. Бывший коллега вытащил из роскошного кейса коньяк, икру и конфеты, Лена накрыла «дежурный» стол и пригласила мужчин пообедать.

Бывший коллега был весел, остроумен и вообще смотрелся неестественно жизнерадостно.

– Понимаешь, Андрюха, – проникновенно втолковывал он хозяину, рисуя сигаретным дымом в воздухе замысловатые узоры, – я сейчас делаю то же самое, что мы с тобой делали, только уже за безусловно условные единицы!

– А Андрею пятый месяц зарплату задерживают, – встряла Елена, – в рублях!

– Да вы подождите, через пять лет вся эта радиосвязь вообще дуба даст! – горячился коллега. – Наступает эра мобильных и спутниковых телефонов! Весь мир уже перешел на мобильники, можно сказать, детство мобильной связи на Западе уже прошло – юность начинается, а у нас это дело еще никак родиться не может!

– Ну да, про сокращение уже давно говорят, – отвечала за мужа жена.

Глебов, рассолодевший от хорошего коньяка, согласно кивал головой на каждую реплику и пытался высчитать, сколько стоит эта бутылка, и, самое главное, где можно купить сегодня не поддельный, а настоящий армянский коньяк.

– А у вас в фирме, случайно, для Андрея местечко не найдется? – спросила Елена с тревогой в голосе, и бывший коллега тут же с готовностью ответил:

– Я завтра же с кем надо поговорю, думаю – решим. Высококласные специалисты всегда нужны.

– Спасибо, благодетель, – сказала Елена, поднялась из-за стола, обошла мужа и поцеловала гостя в лоб.

– Ну что вы, какая благодарность! – поспешно ответил бывший коллега, а Глебова внезапно осенило, что все это – внезапный приход гостя, незапланированное застолье, разговор на нужную тему – тщательно срежиссированный спектакль, в котором он не участник, не зритель и даже не вахтер или гардеробщик – скорее реквизит.

Но... коньяк и правда был хорош, а жена как всегда была права. Поэтому через две недели Глебов простым рабочим в составе бригады монтажников уже ставил красивую вышку неприличного вида неподалеку от Шереметьевского аэропорта.

Работа и впрямь не сильно отличалась от прежней. Глебов быстро акклиматизировался в коллективе, быстро привык получать зарплату в конверте, быстро стал выпивать только на отгулах, поскольку сам видел, как двух монтажников без лишних разговоров уволили за бутылку пива в обеденный перерыв.

Бывший коллега оказался в фирме большим начальником, при встрече Глебову только кивал. Андрей, в свою очередь, панибратские отношения возобновить и не пытался.

Через полгода Андрея почти силой назначили ответственным за работу электросиловых установок. Ежемесячный конверт немного распух, а жизнь окончательно наладилась.

Елена Викторовна Глебова оказалась буквально рожденной для бизнеса. Ее карьера напоминала взлет истребителя. Молодая, красивая, серьезная, с железной хваткой и безошибочным чутьем, она шла от фирмы к фирме, от должности к должности.

...А шесть лет назад умерла мать Андрея. Сыну сначала наняли гувернантку, потом Елена Викторовна предложила перевезти из Чкалова свою мать – вторую бабушку Никиты. Дескать, и присмотр будет лучше, и деньги в семье останутся, и бабушке век в одиночестве доживать не годится. Андрей кивнул головой и уехал в очередную командировку куда-то под Сыктывкар, а когда вернулся, по квартире бесшумно перемещалась маленькая худенькая и застенчивая теща.

Ленка была рождена для бизнеса. Андрюха Глебов – нет. Его не увлекала мечта сделать карьеру, не томило желание заработать как можно больше денег, открыть собственное дело. Иногда он даже стеснялся своего высшего образования. Все необходимое для спокойной жизни у него было – приличная работа, любимая семья и нормальная квартира в Москве.

Два пункта из трех рассыпались через год после смерти матери.

Вернувшись с очередной вахты, Андрей традиционно долго мылся в ванной, тщательно брился, мурлыча про себя бессмертный шлягер Антонова «под крышей дома своего». Наконец, он прошел на кухню, где его привычно напряженно ждала жена, сел за стол и с удивлением обнаружил перед собой совершенно нетрадиционную рюмку ароматного коньяка.

– Что это вдруг? – он непонимающе посмотрел на Елену, та спокойно сказала:

– Пей. Тебе надо.

Надо, так надо. Глебов давно привык не обсуждать приказы жены, махнул рюмку, не закусывая, выжидающе уставился на супругу.

– Нам надо развестись, – без эмоций сказала Елена, – Никита уже большой, да и привык жить без отца, так что с его стороны трагедий не предвидится. У нас с тобой любовь тоже осталась в прошлом. Живем из-за штампа в паспорте, каждый сам по себе. Нам надо развестись.

Глебов слушал доводы Елены о том, что ее карьера из-за записи в личном деле «муж – монтажник узлов связи», достигла своего потолка, что уже две уважаемые фирмы отказали ей в работе, для которой лучше Елены Викторовны никого нет, и не будет. Что все ее попытки привить мужу желание стать бизнесменом провалились из-за элементарного отсутствия у него желания стать бизнесменом. Что даже без его зарплаты семья Глебовых-Минимурзиных сможет жить более чем достойно. Что нелепо вспоминать о юношеских чувствах сейчас, когда вот-вот стукнет сорок.

Глебов слушал доводы Елены и думал о том, что бывшая зубрилка-отличница права почти во всем, у нее логика всегда была сильным местом. Еще он анализировал свои ощущения и удивленно замечал, что налицо ошеломленность, обида, раздражение, а чувство трагедии, как и у сына, отсутствует напрочь.

– Ты мне изменяешь? – спросил он глупо и невпопад, но она ответила:

– Иначе женщине карьеру не построить. Это входит в правила игры.

– А тот... бывший коллега?

– Зато ты получил хорошую работу, – спокойно ответила Елена и добавила, – можешь теперь начать меня ненавидеть – легче будем расставаться.

Андрей не стал ругаться, испросил себе пару дней на раздумья. Все два дня он, как ни в чем не бывало, гулял с Никитой по Москве, пил пиво в любимом спортбаре, бездумно шарил в Интернете.

– Чего уж там, разводитесь, – вечером второго дня внезапно сказал ему Никита, – я все равно тебя люблю, рядом ты или далеко. А маму не переделаешь...

Глебов попробовал напиться, но в одиночку это оказалось очень трудным делом. Утром он сказал жене:

– Ты ж все уже продумала – излагай условия.

Условия капитуляции были просты: официальный развод, квартира и сын остаются у жены, от мужа ничего, даже алиментов, не требуется.

– А жить я где буду? – покорно спросил Андрей, зная, что и на этот вопрос есть ответ. Так и оказалось:

– Тебе ведь все равно, откуда на свои вахты уезжать? В Чкалове мамина квартира стоит пустая, забирай ключи и живи. Все равно за ней присмотр нужен. Отсюда тебя никто выписывать не собирается. Был москвичом – москвичом и останешься.

– Это же отсюда две тысячи километров!

– Копи деньги, купишь квартиру в Москве. Я помогу. Потом Никите останется.

Так пять неполных лет назад и появился в городе Чкалов местный житель с московской пропиской...

Нелегкое искусство самооговора

Толчок в плечо привел Андрея в состояние бодрствования мгновенно. Это в плохих детективах человек, проснувшись, долго пытается сообразить, где он и что с ним. В реальности же, взведенное произошедшим шестое чувство не дает расслабиться даже во сне. Так и Глебов, еще не открыв глаза, осознал, что вокруг камера, а по плечу чувствительно саданул отнюдь не закадычный друг.

– Ну, что, сказочный варяг, слава России?

Глебов открыл глаза. Напротив него на корточках сидел чернокожий черносотенец.

– Слава России? – повторил скорее утвердительно, чем вопросительно афро-россиянин.

– Безусловно, – подтвердил предложенный тезис Андрей и, подумав, добавил, – сам за Родину любому глотку зубами порву.

– Молодец, – серьезно сказал Михаил, – не знаю, что ты там натворил, а идейность твоя мне нравится. Если выкрутишься, приходи в гости. Найдешь?

Андрей молча кивнул. А чего не согласиться, если впереди туман..., может, и вправду придется в гости заглянуть. Лет через десять...

От долгого сидения на полу затекли ноги, и застыла спина. Андрей начал, кряхтя подниматься с пола, осторожно разминая мышцы. Негр усмехнулся и отошел, его место тут же занял казах.

Дядя Яким с минуту понаблюдал за тем, как Глебов выполняет физзарядку, потом тихо спросил:

– Много надумал, мил человек?

– Много, дядя Яким, – ответил Андрей, – наверное, вы во многом правы.

– Ну, и...?

– Вчера я оказался не готов. Сейчас с нетерпением жду вызова. Они же долго тянуть не будут?

– Не будут, – подтвердил казах, – им надо обвинение тебе предъявить, чтобы судья санкцию на арест подписал. Так что после завтрака жди приглашения. В драку не лезь...

– Ну что вы! Ставить подножку паровозу...

– Ты меня еще послушай... на прощание. В любой драке побеждает тот, кто к ней больше готов. Почему простой человек не может справиться с уркой? Потому что своей боли боится, потому что причинить боль тоже боится. А урка боли не боится ни своей, ни чужой! Урка даже без оружия вооружен. Урка всегда один, а вокруг – враги. Поэтому урка всегда готов, и бьет так, чтобы баклан уже не поднялся. Вокруг тебя тоже – одни враги. Особенно там, в ментовке. От них любая жалость – петля, любая помощь – наживка для лохов. Как у Исаака Бабеля в «Интервенции»: будут предлагать сначала папиросу, потом жизнь..., папиросу взять можно, а вот от жизни придется отказаться...

– Что, совсем безнадежно? – хмуро спросил Андрей.

– Думаю, да. Ты на помощь надеешься? А вдруг не сработает? Жизнь в зоне за другого – это, мил человек, не папироса. Это идейные на допросах гимны поют. В уголковке за идеи не держат, тут больше за дела.... Так что крепко подумай, что на допросе петь будешь, чтобы не сфальшивить.

Загремел замок на двери, в камеру заглянул немолодой прапорщик:

– Глебов! На выход!

– Стержень в тебе есть, – усмехнулся кошачьей улыбкой дядя Яким, – надеюсь, что есть.... Не забудь – вокруг одни враги. Никто тебя не пожалеет, и ты, того... не жалея.

– Ну, дядя Яким, – вздохнул Глебов, – если все пойдет правильно, мы с вами больше не увидимся. Спасибо за науку. Прощайте.

Старик коротко хохотнул:

– Баклан ты и есть. Решил, что я за тебя играю? Нет, мил человек, я играю за себя. А ты уже и расслабился, чуть целоваться не лезешь.... Никому ты, кроме себя, не нужен, это учти. Вокруг одни враги!

Андрей, не оглядываясь, вышел из камеры.

Потом последовал известный всем, даже не сидевшим, извечный тюремный ритуал (лицом к стене, руки за спину, пошел, стоять и так далее). Получив за непонятливость пару дежурных тычков в спину, Андрей оказался во дворе, где его усадили в обычный полицейский УАЗ и вывезли в город безо всяких «сдал-принял».

В райотделе сопровождающий полицейский подвел его к уже знакомому кабинету, молча приткнул лицом к стене и, не стуча, стал открывать дверь. В утренней тишине пустого коридора Андрей ясно расслышал конец фразы, произнесенной явно не Милениным:

– ... будет просить пятнадцать, я – восемь, а судья даст червонец, как и договаривались! И все довольны!

– Все? – это уже Миленин.

– Главное, папашка доволен! И ваш страшный Шатварян.

– Разрешите? – прервал разговор конвоир, – задержанный доставлен. Куда его, в обезьянник или к вам?

– А где он сейчас?

– Тут, за дверью.

– Блин.... Ладно, заводи.

Глебов вошел в кабинет и не спеша огляделся. За столом сидел незнакомый молодой человек с улыбочивым лицом и холодными глазами. На стуле напротив восседал крупный хорошо одетый мужчина, рассеянно чиркавший дорогой зажигалкой. Владимир Ильич Миленин стоял у окна, опершись локтями на низкий подоконник, и приветствовать вошедшего не собирался. Пожилой эксперт Виталик сидел на том же подоконнике и совершенно не желал встречаться с Глебовым взглядом.

Налицо было два лагеря. И все равно – вокруг одни враги...

Время шло. Здороваться с Глебовым, кажется, никто не собирался. Андрей еще раз обвел взглядом комнату и вдруг почувствовал, как скулы сводит от незнакомого прежде чувства какой-то бесшабашной веселой ярости. Вся недавняя угрюмость исчезла без следа. Так и подмывало пройти по кабинету этакой блатной чечеткой, и пропеть, подражая герою Евгения Леонова: «сколько я зарезал, сколько перерезал...». Андрей даже губу прикусил и начал твердить про себя, что ситуация хреновейшая, что его сейчас будут всерьез сажать в тюрьму.... Ничего не помогало. Если у такого состояния и есть название, то оно звучит коротко – истерика, решил Андрей и пообещал себе максимально контролировать свои действия и слова. Еще раз общаться с ОМОНОМ желания не было.

Наконец сидевший за столом молодой человек деловито откашлялся и поднял свой, как он, наверное, считал, пронзительный взгляд на Глебова.

– Глебов Андрей Иванович, – сурово произнес молодой человек, – вы обвиняетесь в умышленном убийстве гражданки Белянчиковой Маргариты Романовны. Кроме того, вы обвиняетесь в незаконном хранении наркотиков. А возможно, и сбыте. Полученные в ходе предварительного следствия доказательства целиком и полностью подтверждают вашу вину. Запираться нет смысла, добровольным сотрудничеством со следствием вы сможете облегчить свою дальнейшую участь.

Глебов на удивление спокойно выслушал обвинение. В принципе, эту часть беседы он ночью так и представлял, слово в слово, кроме разве наркотиков.

– А вы... кто? – спросил он молодого человека, – я думал, следствие будет вести следователь Миленин.

– Капитан Миленин является оперативным работником уголовного розыска, – радостно сказал молодой человек, – а вашим следователем буду я, Алексей Сергеевич Рогулин...

– Рогулин или Рагулин?

– Рогулин.

– Я так и думал, – кротко сказал Андрей.

– Почему? – удивился молодой человек.

– Очень уж похожи... на Рогулина...

За спиной громко хрюкнул Виталик. Андрей оглянулся и поймал тусклый взгляд Миленина, в котором неясно читался интерес.

Следователь Рогулин покраснел, некоторое время помолчал, потом решил не обращать внимания на выходки уголовного, быть выше этого.

Воспользовавшись паузой, со стула вскочил второй незнакомец.

– Вы, Андрей Иванович, хотите, видимо, заявить, что вам требуется адвокат. Хотите?

Глебов пожал плечами.

– Можете быть спокойны – адвокат у вас есть! И этот адвокат..., – мужчина сделал театральную паузу, – я! Дело ваше, конечно, непростое, но помогая следствию...

Он говорил и говорил, а в ушах у Андрея звучало сказанное тем же голосом:

«... будет просить пятнадцать, я – восемь, а судья даст червонец, как и договаривались! И все довольны!»

– Простите, – прервал он говорливого адвоката, – а к вам как обращаться? К нему, – он мотнул головой в сторону Рогулина, – гражданин следователь, это я знаю. Или гражданин начальник? А вы – гражданин адвокат? Правильно?

– Мы с вами, Андрей Иванович, должны быть больше, чем близкие друзья! Ах, да, – спохватился адвокат, – я же не представился! Полока. Борис Львович. Полока – это такая фамилия, белорусская, – объяснил он привычно.

– Понял, – кивнул Глебов, – обычная белорусская фамилия. Про вас еще Высоцкий пел.

– Про меня? – шумно удивился адвокат.

– Ну да... На Полоке, у самого краешка, я сомненья в себе истреблю...

– Пойду, покурю, – быстро сказал Миленин и почти бегом выскочил из кабинета. Следом рванул и Виталик, начавший прямо на ходу повизгивать. Они закрыли за собой дверь, и по коридору тут же пронесся задыхающийся вой со всхлипами. Эксперт рыдал...

– Вы мне тут... ты мне тут балаган не устраивай! – зловещим голосом сказал следователь, – это не концерт Петросяна, а следствие по поводу ваш... твоих преступлений, понял?!

Уникальная ситуация, подумал Глебов – нажил себе врагов в стане врагов...

Однако адвокат оказался крепче следователя – сказался возраст и опыт работы. Он немного покраснел, помолчал пару секунд и вновь понес, как ни в чем не бывало:

– Поймите, Андрей Иванович, следствие обязательно докопается до истины, и тогда вы сильно пожалеете, что не пошли на сотрудничество...

– А что, до истины еще не докопались? – удивился Глебов, решив на всякий случай больше не ерничать – в воздухе уже явно пахло ОМОНОМ...

– В этом и состоит задача следствия – выяснить все детали преступления.

– А я думал – выяснить правду, – разочарованно вздохнул Андрей.

Как ни странно, но эта избитая сентенция неожиданно повергла и следователя, и адвоката в состояние некоторого ступора. Они замолчали, Рогулин начал сосредоточенно перебирать бумаги, Полока снова принялся вертеть зажигалку.

В кабинет вернулись Миленин с Виталием. Опер глядел теперь на Глебова глазами, в которых уважение странным образом сочеталось с виноватостью. Виталик просто ждал очередной хохмы.

Никогда еще мозг Глебова не работал с такой чистотой и интенсивностью. Словно опытный шахматист, он просчитывал возможные варианты дальнейшего развития событий, заранее формулировал свои ответы на еще не заданные вопросы. Истерическое состояние сменилось азартом драки...

Наконец, следователь устал не замечать подследственного. Он был очень молод, скорее всего, ему впервые доверили такое щекотливое дело, поэтому Рогулин страстно хотел оправдать доверие, но не знал как. Это понимали все присутствующие, и Миленин взял инициативу на себя.

– Андрей Иванович, – сказал он, глядя куда-то в сейф, – что вы можете сказать в свою защиту? Досмотр квартиры проходил в вашем присутствии, в принципе, все факты вам известны.... Подождите, Борис Львович, дайте ему высказаться.

– Я, конечно, хотел бы много чего сказать, – медленно начал Глебов, – и о многом уже есть что сказать.... Боюсь только, что все мои попытки найти истину, у вас понимания не найдут. Вчерашний день это слишком хорошо показал.

– А что вчера случилось? – возбудился Полока.

Миленин снова уставился в окно, эксперт виновато хмыкнул.

– Вчера? – переспросил Андрей, – право слово, ничего особенного. Но мне очень бы не хотелось, чтобы это повторилось.... Короче, вам нужен козел отпущения, так? И лучше меня с этой ролью не справится никто, просто потому, что никого другого у вас нет, а если искать настоящего преступника – можно и по шапке получить. Я же под рукой, улики более-менее подходят, а на меня вам наплевать.... Молчите? Значит, так оно и есть. Уж не знаю, почему такая спешка, но оказался я в ненужном месте, и время для меня оказалось неудачное.... Давайте торговаться, что ли.

Повисла ощутимая физически тишина. Наконец следователь сорвавшимся на фальцет голосом выдохнул:

– Не понял...

– Что непонятного? Вы же в меня так вцепитесь.... Скажите, Владимир Ильич, – обратился он к Миленину, – моя виновность вами с самого начала была предусмотрена? Только честно.

Миленин пожал плечами, сдавленным голосом сказал:

– Как рабочая версия. Один из вероятных вариантов. Наравне с полтергейстом, сектой Муна.... В жизни все бывает.

– А сейчас вы что об этом думаете?

– Ничего не думаю, – неожиданно грубо обрезал Миленин, – следствие только началось. Может, вы не инженер вовсе, а маньяк-гастролер..., у вас, может, в каждом городе по такой квартирке, с трупом на койке.... И нечего нам на совесть давить. Я, между прочим, ко вчерашнему идиотизму никакого отношения не имею. Сам узнал про арест через полчаса после того, как вас увезли. И про остальное тоже...

– И какой из этого вывод? Могу домой идти? Или мой дом – тюрьма?

– Принято решение о вашем задержании на время следствия, – торопливо сказал Рогулин, – будете содержаться в следственном изоляторе.

– Задержание с содержанием, – одними губами усмехнулся Глебов, – чтобы все время под рукой был? Понимаю.

– Обычное дело, – впервые подал голос эксперт, – а то некоторые злодеи в бега сорваться норовят, отчетность по раскрываемости поганят. Или того хуже – свидетелей злодейства режут, в результате – новое злодейство и никаких свидетелей. Очень полезная мера, причем не высшая...

– Для злодеев – может быть, а как дело с невиновными обстоит?

– Разберемся, извинимся, отпустим.... Справку на работу дадим, чтоб за прогулы не уволили.

– Большое спасибо.... Так что со мной делать будем? Что предложите? Что вам-то надо? Следователь несколько раз открыл и закрыл рот, так и не решаясь сказать главное. Миленин тоже явно не желал озвучивать желание следствия. Адвокат сидел с лицом невинного младенца. Виталик вздохнул и рубанул правду-матку:

– Пиши, Иваныч, явку с повинной, блин.... Посидишь в сизо, может, новые факты появятся...

Как ни был Глебов готов к такому предложению, все равно внутри что-то оборвалось, свет в глазах на мгновение потемнел, во рту появился привкус ржавого железа.

Все-таки таилась в душе робкая надежда на лучший исход.... Глебов медленно обводил взглядом присутствующих, чувствуя, как люта обида заволакивает разум.

Прошла минута, другая. Сердце Глебова так и не остановилось, значит, надо жить дальше. А то, что вокруг одни враги – теперь даже и не оспаривается...

– Ладно. Вы мне, я – вам, – услышал Андрей собственный голос и удивился его ровному звучанию, – для начала наручники снимите. Руки совсем затекли.

– Это мы быстро, – подскочил эксперт, зазвенел связкой ключей, выбирая нужный, – ты, Иваныч, не горюй, отдохнешь в камере, а следствие непременно разберется, не сомневайся.

По кабинету прошло какое-то оживление, все чуть расслабились, перевели дух.

Рогулин что-то шепнул адвокату, тот мгновенно соскочил со стула:

– Присаживайтесь, Андрей Иванович!

В мгновение ока Глебов превратился в самую важную персону. В этом кабинете, для этих...

Он сел на стул, потирая выдавленные на коже следы от наручников. Чем отличаются нарды от шахмат? Различий, конечно, много, но главное одно – два кубика! Элемент случайности. Можно совершенно не обладать фантазией, но, вызубрив немыслимое количество шахматных комбинаций, регулярно одерживать победы над более талантливыми соперниками. Задача игры в нарды – победить, используя Его Величество Случай, а иногда и вопреки ему. Вроде бы все сделано для победы, осталось выкинуть на костях одну единственную двоечку, но.... Подряд несколько раз выпадает совершенно ненужные четыре-четыре, блестяще расставленные шашки сворачиваются и вот уже ваш соперник пунцует от неожиданно привалившего игрового счастья...

Сидевшие напротив Глебова были профессионалами. В шахматы играть с ними было бессмысленно. Значит, надо кубики бросать...

– Так что там насчет торгов? – небрежно спросил адвокат.

Было ясно, что в этой игре он разбирается лучше остальных.

За ночь, полную тяжелых раздумий, Андрей сочинил целую речь к сегодняшнему допросу. Речь эта была гневной, аргументированной, изобиловала острым сарказмом и афоризмами к месту.... У нее был только один недостаток – предназначалась сия речь лично Владимиру Ильичу Миленину, который, как оказалось, сам был не при делах. А для юного следователя, озабоченного желанием выслужиться перед грозным начальством, вся эта заготовка – пшик, он даже слушать до конца не станет. Ладно, кинем кубик...

– Вы мне предложили балаган не устраивать, Игорь... как вас?

– Алексей Сергеевич.

Сработало, даже не поморщился юноша. Ждут условий капитуляции, ох, как ждут!

– Алексей Сергеевич, балаган в прошлом. Взамен я предлагаю всем присутствующим не ломать комедию и поговорить серьезно. Из вас хоть кто-нибудь действительно уверен, что именно я убил эту девушку? Молчите, значит, уверенности нет. И на том спасибо...

– Вы к чему клоните? – снова спросил адвокат.

– Я понимаю – машина запущена. Небось, уже, где надо, отпрапортовали, что убийца задержан, так? Сколько следствие продлится?

– Месяц, может чуть больше, – ответил Миленин.

– За месяц можно будет выяснить правду? Ну, не молчите, дайте хоть какую-то надежду! Владимир Ильич!

– В принципе..., – начал было Миленин, но его перебил Полока:

– О чем речь, Андрей Иванович! Конечно, все сделаем!

А Глебов по отведенным в сторону глазам опера понял – кому ты нужен, баклан! Ладно, пора почетно сдаваться:

– Так как вы меня все равно не отпустите, предлагаю сделку. Я пишу вам чистосердечное признание, а вы меня больше не сажаете к уголовникам, вызываете для дачи показаний хозяйку квартиры и – главное! – я в последний раз ел вчера! В самолете. И курил, кстати, еще до футбола.

– Какого футбола? – не понял адвокат.

– Между мной и сборной ОМОНа. Сборная, кстати, выиграла.

Быстрее всех захохотал Виталик. Остальные тоже на двусмысленность отреагировали, но как-то более стеснительно.

– Если будут возражения, – решительно закончил Андрей, – то я в отказ пойду. Мне терять нечего.

Возражений не было. Следователь Рогулин в мыслях уже принимал награды от начальства, адвокат Полока говорил что-то непрерывное и воодушевляющее. Эксперт Виталий просто радовался разруливанию деликатной ситуации и хохмил на вечную тему про суму и тюрьму. Глебов посмотрел на Миленина. Миленин не ликовал. Он смотрел на Андрея, и во взгляде читалось удивление пополам с недоверием. Хорошо хоть не с подозрением...

И снова волной накатила обида, почти детская, со слезой. Чего добился, подумал Глебов, сам лапки сложил – за камеру отдельную, на солнечной стороне, и бурду тюремную! Не бейте, дяденьки, это я бяка, я!

А как еще бывшую жену достать? Им же не разобраться надо, а показательно посадить. Они, может, про живущую в далекой Москве хозяйку квартиры вообще не вспомнят.... При чем тут старушка, которая сдала жилье гаду-душегубу? Не при чем. И оповестят бывшую тещу, что ее жилец сменил адрес, после суда, если вообще оповестят.... Кто знает, как у них положено?

Вскоре эксперта заслали за провизией, Миленин вытащил из ящика стола сигареты, включил чайник.

– Надо протокол заполнить, – спохватился Рогулин, зачеркал ручкой по бумаге, спросил адвоката, – Борис Львович, вас ведь тоже указываем, что на допросе присутствовали?

– Обязательно, – подтвердил адвокат.

– Тогда ваши паспортные данные давайте. Живете там же, где и прописаны?

– У меня все данные совпадают. Прописан на Татарской, двадцать пять – двадцать пять, и живу на Татарской, двадцать пять в квадрате, – засмеялся Полока, – не скрываюсь! Вон, Владимир Ильич подтвердит – у нас окна напротив.

Миленин никак не среагировал. Он вообще вел себя как-то вяло, часто курил и всем своим видом показывал, что он здесь случайно. Когда следователь закончил переписывать паспортные данные адвоката, Миленин поинтересовался, есть ли в нем какая либо нужда. Следователь пожал плечами, адвокат задумался, но нужды также не нашел.

– Тогда я отлучусь, – сказал Миленин, – если что – звоните.

Он еще раз странно посмотрел на Глебова, никому не подал руки и вышел. Пришедший минут через десять Виталик его уходу огорчился, но сам уходить не стал, разместился на любимом подоконнике, откуда время от времени подавал реплики.

Итак, подумал Андрей, штаб по посадке меня – любимого, за работой. Теперь надо аккуратно изменять формулировки. Черте что – умышленное убийство, наркотики!

– Граждане, – проникновенным голосом сказал он штабу, – ну почему – умышленное? Бывают же и другие, по неосторожности, например...

– Хрена себе неосторожность, – не согласился Виталий, – чтобы человека задушить, минимум целая минута пройти должна. Вот если бы ей голову проломили, или с балкона скинули, тогда – да, по неосторожности могло бы и прокатить.

Все подумали и согласились с Виталием.

– В состоянии аффекта! – воскликнул Борис Львович, – не обязательно быть психом, чтобы хоть раз в жизни потерять контроль над собой.

– А что? Может, достала она меня своими капризами, – подтвердил Глебов, – то не так, это не так.... Еще выпившие были крепко...

Следователь подумал и согласился рассмотреть этот вариант.

– Все равно психиатрическую экспертизу проводить, – сказал он, – с врачами потолкуем – пусть помогут с диагнозом.

Блин, как у вас все просто, подумал Глебов – и судья даст столько, сколько заранее решат, и врачи напишут то, что следователь-юнец попросит.... Непростая деваха померла, ох, непростая!

Если бы кто-нибудь заглянул сейчас в кабинет, он обнаружил бы не допрос обвиняемого, а дружный клуб единомышленников, занятый решением одной непростой задачи – как правильно впасть одному из членов клуба десять лет строгого режима за чужое преступление...

– Пишите признание, Андрей Иванович, – придвинул Глебову бумагу Рогулин, но Андрей решительно отказался:

– Сначала давайте придумаем, как было, а то потом переписывать придется.

Эксперт и адвокат единодушно поддержали обвиняемого. После недолгих споров о наркотиках решили вообще не упоминать.

– Одна таблеточка, и та, скорее всего, из сумочки выпала, – горячился эксперт, – ну какой из Иваныча наркодиллер, смех просто!

– А, может, ее вообще кто-нибудь из понятых обронил, – поддержал его Полока, – да мало ли как она туда попала! На улице к подошве прилипла...

Рогулин покривился. Идея раскрыть не только убийство, но и наркоторговлю, ему нравилась, но под давлением клуба единомышленников, наркотики пришлось исключить. И на том спасибо.

Все четверо шаг за шагом придумывали убийство. Глебов узнал, что познакомиться с покойной на улице не мог принципиально, так как Белянчикова Маргарита Романовна никогда в жизни не гуляла по улице, не ездила на общественном транспорте и не ходила по магазинам в поисках «точно такого, только с перламутровыми пуговицами». Почему провинциальная Перис Хилтон – Белянчикова, вообще оказалась в старенькой хрущевке у Глебова, было непонятно даже адвокату. Гипотезы сыпались одна за другой, с каждой минутой все более и более экзотичные.

– Да пьяные в хлам оба были, – не выдержал Андрей.

Все как следует этот вариант обдумали и с Андреем согласились. Он же убил, значит, ему лучше знать.

Теперь и следователь осознал, что писать явку с повинной рановато. Для начала нужно было придумать, как вообще инженер Глебов смог познакомиться с местной светской львицей. И где?

– Казино «Голден гейм», – уверенно сказал Борис Львович, – она в нем чаще всего бывала, можно сказать, жила там. В крайнем случае, на чьей-нибудь загородной даче.

Выяснилось, что из всех присутствующих в упомянутом казино бывал только сам Полока, который тут же с множеством совершенно ненужных подробностей начал рассказывать о порядках и нравах, царящих в этом заведении. Из рассказа выходило, что нравы там, мягко говоря, царят свободные.

– А чего там Глебов делал? – резонно спросил Виталик.

Все посмотрели на Глебова.

– Ну... Когда-нибудь надо и в казино заглянуть, – пожал плечами Андрей, – настоящий мужчина в жизни должен попробовать все... Получку с командировочными получил и решил гульнуть.

Версию одобрили как рабочую, решив вернуться к ней позже.

– Москвич, деньгами сорил, олигарха из себя изображал – вот она и клюнула, – продолжал фантазировать эксперт, – а после закрытия казино решили продолжить банкет на хате...

– Казино закрывается утром, из него публика не продолжать, а спать разъезжается, – возразил адвокат.

– Решили уйти пораньше – чувства разыгрались! На чем уехали?

– Такси не пойдет, – решительно сказал следователь, – придется таксистов опрашивать...

Глебов мысленно сказал ему спасибо. За идею. В самом деле, если бы убийцу искали всерьез, таксиста поискать стоило, да и в самом казино отъезд далеко не последней клиентки должны были помнить хотя бы охранники. А, значит, и того, с кем уехала Маргарита, запомнить должны были...

Они сообща прикончили сигареты, а Виталий без долгих уговоров сбегал в магазин за лапшой быстрого приготовления, которую тут же залили кипятком и съели, не отрываясь от процесса.

Постепенно факт убийства начал обрастать правдоподобной плотью. Общий мозговой штурм закономерно приносил свои плоды. Виталий почти непрерывно сыпал остротами, и обстановка все больше напоминала дружеские посиделки.

В какой-то момент, когда стих очередной приступ общего ржания, Глебов вдруг обвел взглядом присутствующих в кабинете и вновь захохотал. Полока удивился, а Виталий заботливо спросил:

– Что, доходит долго?

Андрей с трудом подавил очередной приступ смеха:

– Да, вот – представил сейчас, как все это со стороны выглядит. Сами подумайте – я сижу тут с вами и старательно придумываю, как себя за решетку посадить! Правда, смешно? – и он снова захохотал.

Весь энтузиазм с «творческой группы» сняло как рукой. Рогулин уткнулся в исчерканные бумаги. Полока вдруг вспомнил, что ровно через час его ждут в адвокатской конторе клиенты. Эксперт выдал нечто афористичное, но от этого менее нецензурным не ставшее. Повисла тяжелая пауза.

– А предварительный результат надо сегодня дать, кровь из носу, – с тоской сказал Рогулин и посмотрел на Глебова взглядом, полным надежды.

Борис Львович рассудительно заметил, что предварительный результат и так уже есть, просто не оформлен документально. Можно написать все и завтра, потому что число можно поставить сегодняшнее – нарушением больше, нарушением меньше...

Он пообещал заглянуть утром, самое позднее к десяти, и вышел, церемонно раскланывшись со всеми. Руки никому не подал...

Работавший до этой минуты с полным напряжением мозг Глебова вдруг начал давать сбои. Андрей как-то перестал понимать смысл вопросов следователя, отвечал невпопад, стал мямлить. Первым не выдержал эксперт:

– Сергеич, может и правда – на сегодня хватит? Седьмой час без перерыва сидим, скоро у всех мозги всмятку будут.

– Хотя что-то написать надо, – возразил Рогулин, – мне же на доклад идти. Вот, к примеру, чем убита гражданка Белянчикова, Андрей Иванович?

– Цепочкой от сумочки..., кажется так?

Эксперт согласно кивнул.

– А куда сумочку дели?

– Куда, куда, – внезапно обозлился Глебов, – в реку выбросил! В эту, как ее.... Самарку. В растрепанных чувствах, гулял по городу после убийства, улику с моста и выбросил,... пойдет такой бред?

И совсем не бред, – возразил следователь, – очень правдоподобно.... Как считаете, Виталий Васильевич?

Они одновременно повернулись к эксперту и увидели, как в глазах у него вновь загорается огонек энтузиазма. Эксперт слез с подоконника, прошелся по кабинету и, наклонившись над столом, выдохнул прямо в лицо Рогулину:

– Следственный эксперимент!

– Чего? – не понял следователь.

– Следственный эксперимент! Выезжаем на место, делаем снимки в квартире, на мосту – это же материальное подкрепление, почти факты!

– Можно подумать – все так просто! – возразил следователь, – надо машину найти, понятых, получить разрешение, конвой выбить... за целую неделю не решим.

– Ты что, Сергеич?! Да ты только в трубку шепни, что обвиняемый готов показать – где что творил.... А машину я тебе прямо сейчас организую.

– Вам-то какой интерес в эксперименте?

Эксперт потупил глаза, помолчал, потом сознался:

– Мне сегодня новый фотоаппарат выдали... цифровой. Куча мегапикселей. Охота в деле опробовать.

Честное признание эксперта решило судьбу следственного эксперимента. Рогулин позвонил какому-то начальнику, которого честно и отчаянно боялся, предложил идею и был, судя по лицу, неожиданно обласкан.

Виталик вернулся в кабинет минут через десять и с порога объявил, что все технические вопросы улажены: есть два свободных Уазика, в обезьяннике очень удачно сидят два подвыпивших работяги из Водоканала, причем оба с паспортами – получали зарплату с последующим обмыванием. То есть, проблемы с понятыми нет.

– Только тянуть не надо, – озабоченно сказал эксперт, – а то машины на вызов перехватят.

– А конвой? – уже одеваясь, спросил Рогулин.

– Да на черта он нужен! – отмахнулся эксперт, – нас двое, да два водителя, все вооружены... обойдемся.

– А машин зачем две?

– В одной мы с вами, а понятых куда? Это же УАЗ, а не автобус. Да и перегарчик от них – будь здоров! Пока доедем – сами окосеем. Андрей Иванович – попрошу ваши ручки, – эксперт надел на Глебова наручники, добавил примирительно, – традиции, куда деваться!

Они вышли во двор райотдела, где уже урчали машины, подождали, пока приведут понятых, потом сели в кабину и эксперт весело сказал водителю:

– Поехали, Палыч, по вчерашнему адресу. Только без мигалки – мы не торопимся.

Водитель, тот же самый вчерашний сержант, оглянулся, смерил Глебова странным взглядом, потом сказал сидящему рядом следователю:

– Непорядок. Подследственный должен сидеть не в салоне, а сзади – за решеткой. Или он не подследственный?

– Твое дело, Палыч – рулить, а не замечания старшим делать, – не дал следователю рта открыть Виталий, – может, мы боимся с него глаз спустить! И, кроме того, как он из твоего обезьянника нам дорогу указывать будет? А, может, ты лучше него знаешь, куда нам ехать?

– Вы его еще за руль посадите, – проворчал сержант, и машина выехала из ворот райотдела.

Ехали молча целую минуту, не меньше, наконец, эксперт не выдержал тишины:

– Сергеич, а давай сначала на мост рванем? А то скоро стемнеет, фотографии могут не получиться.

– Да они при таком освещении у тебя и сейчас не получатся, – сказал водитель.

Виталий обиделся:

– Чтоб ты так машину умел водить, как я фотографирую! У меня осечек не бывает! Просто в квартире свет, там проблем вообще никаких, а тут – новая техника, подстраховаться не мешает.

– Поехали к мосту, – безразлично отозвался расслабившийся следователь.

Палыч кивнул согласно, через пару минут спросил:

– К какому мосту-то? Их только автомобильных три, да два железнодорожных, да виадуков несколько...

– Давай на автомобильный, через Самарку. Где пост ГАИ на выезде.

Палыч снова согласно кивнул и чуть прибавил газу. Время от времени он смотрел в салонное зеркало заднего вида, встречаясь взглядом с Глебовым. Что выражали его глаза? Ничего. Только слабый отблеск удивления чудился Андрею в этом рассеянном взгляде пожилого водителя, и это удивление почему-то больно ранило. Снова начала накатывать утихшая было обида, захотелось заорать: «что смотришь?! Это не я виноват, это вы, менты, виноваты!».

Орать Андрей не стал – глупость, право слово – но к мосту подъехал взвинченным до предела.

– И какого хрена, Иваныч, тебя на этот мост занесло? – они уже минут десять ходили по мосту взад и вперед, таская за собой трезвеющих понятых, а Глебов никак не мог определить «то» место... Вернее, это Виталий никак не мог найти точку пофотогеничнее, чтобы и мост было видать, и лесок за рекой. Сумерки уже почти съели очертания берегов, когда эксперт, наконец, решился:

– Вот, Иваныч, давай прямо тут, у перил. Размахнись, будто что-нибудь бросаешь. Палыч, выйди из кадра! Да нет, не так! Сумочка ведь на цепочке, вот и бросай ее, раскрутив над головой, как пращу.

Глебов покорно помахал над головой скованными руками, потом резко качнулся всем телом в сторону перил.

– Отлично! – крикнул эксперт, – замри на мгновение!

Но тело по инерции понесло вперед. Глебов выставил руки, оперся на перила, в одно касание перемахнул через них и полетел в уже беспросветную бездну...

Бесполезная полезная информация

По высоте мост со своим бруклинским коллегой тягаться даже не пытался, и все равно Андрей еще в полете исхитрился занять вертикальное положение ногами вниз и вошел в воду классическим «солдатином».

Движение вглубь внезапно было прервано гулким ударом сначала по пяткам, а потом и по копчику. Удар был столь силен и неожиданен, что Глебов выпустил из легких почти весь запас воздуха, на мгновение потерял ориентацию в пространстве и запаниковал бы, если бы было время...

Разбухшая от осенних дождей река стремительно потащила оглушенного беглеца прочь от моста. Вынырнув на мгновение, Глебов жадно хватанул воздуха, сколько смог и снова нырнул. Под водой он расстегнул молнию на куртке и скованными руками распахнул одну полу для увеличения собственной парусности. Обрадованная река еще быстрее потянула свою новую игрушку, так что когда Андрей снова вынырнул за воздухом, мост был уже практически не виден, только маленькие пятнышки света, мечущиеся над водой, показывали, что его ищут.

Никаких связных мыслей в голове не было, только заевшей пластинкой било по мозгам – «... я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...».

Постепенно промокающая одежда и обувь уже начали потихоньку тянуть вниз, когда при очередном нырке Глебов сделал несколько шагов по илистому дну, при этом голова осталась над водой. Столь откровенная близость берега нисколько не обрадовала беглеца, напротив, сердце едва не зашло в паническом испуге.

Холодная вода стала для Глебова чем-то вроде спасительной крепости, а на берегу – и он знал это совершенно точно – его поджидали следователь, Виталий с цифровым фотоаппаратом и камера с чернокожим борцом за Россию для русских...

Кроме того, пока Глебова несло течение реки, он мог совершенно не задумываться о своей дальнейшей судьбе. На берегу же придется передвигаться самому, выбирать маршрут, определяться с целями... и прятаться. Ведь не для того он так чудесно бежал, чтобы прийти через пару часов в полицию и проникновенно сказать – извините, ребята, бес попутал...

Решение за Андрея приняло его тело, сотрясшееся от озноба так сильно и внезапно, что он пулей вылетел на поросший ивняком берег и побежал, пытаясь согреться бегом, прикрывая скованными руками лицо от многочисленных веток.

На дорогу, идущую вдоль реки они выскочили практически одновременно – Андрей Глебов и полицейский Уазик Палыча. Андрей лишь на мгновение замешкался, зацепившись курткой за какой-то куст, как прямо в лицо ему ударил слепящий сноп света. Глебов обреченно замер, прикрыв глаза руками и ожидая визга тормозов. Но свет фар, задержавшись на нелепо скрюченной фигуре беглеца бесконечный миг, скользнул дальше, машина, пылая полицейскими огнями, оглушая воем сирены, промчалась мимо, обдав Глебова потоком холодного воздуха. Не заметили? Не заметили...

Андрей постоял минуту, потом решился, перебежал через дорогу и помчался вглубь какой-то улочки между не то малюсенькими домиками, не то большими дачами, дальше и дальше от реки. В город.

Долгое время не попадалось ни одного проулка и Андрей уже всерьез начал переживать, что, погонись за ним Палыч прямо сейчас, загонят его будто зайца. Настроение еще больше портили собаки, передававшие его задорным лаем от домика к домику, словно эстафетную палочку. И места были совершенно незнакомые, темные. Складывалось впечатление, что кроме Глебова и собак на свете вообще никого больше нет...

Наконец, появился первый знакомый ориентир – почти отвесный холм со светящимися домами на вершине. Глебов узнал это место – Соколиная горка. Заберешься наверх – попадешь

на старый кирпичный завод, повернешь вправо – выйдешь к тому самому мосту, с которого совсем недавно рванул на свободу, влево – окажешься недалеко от поселка, славного тем, что именно в нем триста лет назад упивался властью «маркиз Пугачофф»....

Андрей полез наверх. Постепенно одноэтажные развалюхи уступили место развалюхам многоэтажным, во дворах стали появляться не всегда трезвые люди, так что пришлось с бега перейти на быстрый шаг. Да и дыхание после подъема в гору восстанавливаться не спешило. Спортом, знаете ли, заниматься надо – мало ли что в жизни случиться может...

И снова серьезное препятствие – дорога. Не такая, как вдоль реки, а солидная транспортная артерия, со светофорами, разметкой, плотным движением. Мысленно прикинув время, Глебов чуть не ахнул – по всему выходило, что на дворе максимум восьмой час вечера! А он думал, что вокруг глубокая ночь...

Как можно более непринужденно скрестив скованные руки на груди, он стоял в ожидании сигнала светофора и пытался думать о том, что делать дальше. Думать получалось плохо, хотелось одного – скорее в Москву, подальше от здешних проблем, но как – ничего не придумывалось. Ни денег, ни документов, ни телефона... Конечно, бомжи живут и без всего этого, но такой аргумент утешал слабо. Ясно одно – в Чкалове ему ловить нечего, напротив – ловить тут будут именно его. Значит – в Москву...

Он быстро перешел дорогу, стараясь не касаться прохожих мокрой одеждой, и свернул в первый же переулок, подальше от светящихся уличных фонарей. Снова пошел так называемый частный сектор, вскоре сменившийся промышленной зоной.

Глебов шел все дальше и дальше, не имея ни малейшего представления о том месте, куда должен пойти. Задача стояла одна – чтобы не поймали. Поэтому, когда где-то совсем недалеко раздался вой полицейской сирены, он, не замешкавшись даже на мгновение, перемахнул через ближайший бетонный забор и сел отдышаться, привалившись к забору спиной.

Шевеление совсем рядом привлекло его внимание. Глебов повернул голову, всмотрелся в мрак и оцепенел. Из темноты вышла собака, рядом с которой воспетый Конан-Дойлем блохастый ужас Баскервилей показался бы щенком. Вот и финиш забега – мелькнула горькая мысль.

Монстр коротко рыкнул, встряхнулся. Зазвенела цепь и осознание того, что эта собака – караульная, расстроило еще больше. Рвать нарушителей – ее профессиональный долг, уйти – шансов практически нет, разве что цепь короткая, не дотянется...

Глебов напрочь забыл о холоде и мокрой одежде, усталости и сбите дыхания.

Собака медленно подошла к Андрею и пристально посмотрела ему в лицо. В ее глазах янтарем светилась собачья мудрость, нажитая за долгие годы жизни на цепи. Андрей не шевелился. Собака махнула хвостом, шумно зевнула, обдав его желудочным смрадом, потом неожиданно лизнула в щеку, по-старушечьи тяжело вздохнула и поплелась мимо к черневшей в углу дыре будки.

Все, что смог выдавить из себя Глебов – нечто хекающее, даже отдаленно не напоминающее смех. Как же мало был он сейчас похож на человека – вон, даже собака, и та за нарушителя не признала...

Он пошарил руками по родимой земле вокруг и почти сразу нашел кусок проволоки, исключительно подходящей для изготовления примитивной отмычки. Левый браслет расстегнулся мгновенно, с правым пришлось с минуту повозиться.

Андрей задумчиво повертел наручники, раздумывая, что с ними делать, как вдруг над самой головой хриплый мужской голос гневно спросил:

– Ты что делаешь, падло?!

Следом воздух сотряс виртуозный мат такой многоэтажности, что Глебов, решивший было сразу же сдаться, потерял дар речи. Как оказалось, не зря. Из бесконечных вариаций всего пары нецензурных слов любой житель бывшего СССР без труда уловил бы примерный смысл сказанного: «Ты это кому так мало налил, нехороший человек?».

Глебов решил погодить со сдачей еще немного, и был вознагражден. Вместо него обладателю хриплого голоса ответил голос тонкий, смертельно пьяный.

Речь была невнятной, такой же многоэтажной. Но смысл ясным: «Так мало налил я себе, потому что больше пить уже не хочу.»

Далее последовал джентльменский точно такой же обмен мнениями по существу вопроса: «Сегодня мой день рождения, поэтому ты должен пить со мной наравне. И сопровождающая тебя девушка тоже должна выпить».

«Я тебя очень уважаю, но пить больше не хочу. И сопровождающую меня девушку будить не надо. Она очень устала еще две бутылки назад. Пусть отдохнет».

«А я настаиваю, чтобы следующий тост был выпит всеми присутствующими вместе и до дна».

«За проведенное здесь время мы и так уже много выпили. Ты, между прочим, на службе находишься. В любой момент может приехать проверка, а ты немного нетрезв...».

Ответ именинника переводу на нормальный язык не поддавался совершенно. Речь, видимо, шла о его желании вступить с проверяющими в совершенно противоестественные отношения.

Глебов поднял, наконец, голову и увидел приоткрытое окно небольшого вагончика, из которого валил табачный дым, красиво подсвеченный изнутри. Беседовавшие граждане находились в вагончике.

Именинник продолжал настаивать на полноте налития, но оппонент обманул его, наглым образом захрапел прямо посередине собственной речи. Дискуссия прервалась. Попытки реанимировать приглашенную девушку также успеха не имели. Глебов с невольным уважением подумал об имениннике – богатырь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.